

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

*Мне надо кое в чем
тебе признаться...*

[roman]

CoRpus

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
“СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ ЧИТАЮТ
КНИЖКИ И ПЬЮТ КОФЕ”

Аньес Мартен-Люган
Мне надо кое в чем
тебе признаться...
Серия «Счастливые люди»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64033447

*Мне надо кое в чем тебе признаться...: CORPUS; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-127275-3*

Аннотация

Жизнь галеристки Авы – словно картинка из глянцевого журнала: красивый дом, обожаемый муж Ксавье, дочка и сын – радость мамы и папы, любимое дело. Но однажды в полную любви и счастья семейную жизнь вмешивается судьба, и все рушится. В благополучном доме Авы и Ксавье поселяются горе и сомнения друг в друге, а стойкость и сила духа героев романа подвергаются серьезному испытанию. Впереди у них долгий путь через соблазны и страхи к новому пониманию самих себя. Им предстоит разбираться не только в своих отношениях, но и во взаимоотношениях с другими людьми, с которыми их связывает случай. В этой книге молодая француженка Аньес Мартен-Люган, автор бестселлера «Счастливые люди читают книжки и пьют кофе» и других пронзительных историй любви, завоевавших

успех во всем мире, всматривается в новые грани этого вечного чувства.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	48
Глава четвертая	67
Глава пятая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Аньес Мартен-Люган

Мне надо кое в чем тебе признаться...

© Éditions Michel Lafon, 2020

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2021

© ООО «Издательство Аст», 2021

Издательство CORPUS ®

* * *

*Гийому, Симону-Адероу и Реми-Тарику.
Вы – моя сила...*

Ни устная, ни письменная речь не помогут справиться с психологической травмой – иногда и та, и другая, напротив, даже подталкивают к горькому пережевыванию случившегося. Лишь по-новому сформулированное высказывание, обращенное к невидимому другу, к идеальному читателю, способному нас понять, может вернуть нас в человеческое сообщество, откуда полученной травмой мы были изгнаны.

Борис Цирюльник

«Устойчивость к психологическим травмам и

базовые знания»

Глава первая

Я легла в нашу с ним постель. Легла одна – в последний раз перед долгим периодом нормальной жизни. Еще немного, и мое одиночество закончится. Мне нравилась атмосфера таких ночей. Смесь нетерпения и возбуждения. Лихорадочное предвкушение нашей с ним встречи. Боязнь, что он будет тяжело переживать свое возвращение. Эйфория, накрывающая с головой. Желание ускорить время – и тут же замедлить его, потому что последние часы ожидания после более чем месячной разлуки дарят острое наслаждение. В полутьме нашей спальни резче проступали домашние шумы: малейший треск крыши, шорох дождя, легкие шаги кого-то из детей, вставшего в туалет, ворчание сквозь сон Месье, нашего пса, спящего вполглаза в своей корзине, шлепки прыжков со шкафа на стол и обратно старенькой кошки Мадемуазель. Звери тоже ждали его. Все наши помыслы сосредоточились на нем. Сейчас он уже должен быть в пути. Он приближался к нам, к нашему дому. Я отслеживала прилет и посадку его самолета онлайн, на своем телефоне. Он мне не позвонил. Он всегда говорил, что не хочет будить меня за несколько часов до приезда. Ему нравилось воображать, будто я сплю глубоким сном в ожидании его появления. Я не обижалась, понимала, что ему необходима пауза, чтобы побыть наедине с собой, подготовиться заново влезть в шкуру мужа и отца и

начать привыкать к нам после разлуки. Не то чтобы он нас забывал за время своих отлучек, просто он становился там тем, кем был до появления семьи, погружался в жизнь без жены и детей.

Я дремала урывками, по несколько минут. Выныривая из сна, я первым делом смотрела на часы, спрашивала себя, как он там, в дороге от аэропорта к дому, беспокоилась, не слишком ли он устал и не заснет ли за рулем. И вот в какой-то момент меня разбудил лай Месье и попытки хозяина утихомирить его. И тогда, несмотря на то, что в доме не горела ни одна лампа, я поняла, что светит солнце, а дождь прекратился. Я сдержалась, не вскочила с постели и не скатилась по лестнице, чтобы повиснуть у него на шее. Так приятно – ждать, следить за нарастающим желанием прижаться друг к другу после долгой разлуки. Я медленно опустила на пол сначала одну ногу, потом вторую. Все движения на первом этаже резко прекратились. Он знал, что я знаю, что он здесь. Я на цыпочках прошла по спальне, с предельной осторожностью, чтобы не скрипнула, открыла дверь – главное, не разбудить детей, – вышла на лестничную площадку и спустилась вниз. Он не включал свет. Дом был освещен только уличными фонарями. Возле нижней ступеньки стояла его старая дорожная сумка из холста цвета хаки, которую он таскал за собой более пятнадцати лет и использовал только в своих экспедициях. Когда мы ездили отдыхать, он брал другую. Все имеют

право на суеверие.

– Вот и я...

Ксавье стоял у меня за спиной. От счастья я даже зажмурилась. Да, он говорил шепотом, но все равно это был его голос, низкий и теплый, успокаивающий, придающий уверенность, заставляющий меня дрожать. Я медленно-медленно развернулась – передо мной был он, с его взлохмаченными каштановыми волосами и лицом, чуть помятым из-за долгого перелета, разницы часовых поясов и тысяч воспоминаний, принадлежащих только ему. Мы приблизились друг к другу, он обнял меня за талию, и наши глаза встретились: его зеленые погрузились в мои карие, и это была наша личная буря, только наша, как мы привыкли говорить.

– Я тебя разбудил? – прошептал он.

– Нет, я тебя ждала...

Он чуть усмехнулся, наполовину удовлетворенно, наполовину недовольно.

– Поднимайся и ложись, я скоро приду.

– Хорошо, но сперва поцелуй меня. – Я теснее прижалась к нему.

Он наклонился и оказался рядом, так близко, что я могла бы почувствовать прикосновение его губ, если бы в последний миг он не отодвинулся, расплывшись в обольстительной улыбке.

– Придется тебе еще немного подождать. Впрочем, мне тоже.

Я тихонько хихикнула, прикинув, что нормальная жизнь вот-вот возобновится, и стала подниматься по ступенькам. На середине лестницы я оглянулась и увидела, что он не отрывает от меня глаз.

– Постарайся побыстрее, – выдохнула я.

– Я скучал по тебе, Ава...

Немного погодя я лежала обнаженная под простыней и мое тело напряженно ждало его. Он был в душе: когда бы Ксавье ни прилетел, он не мог обойтись без душа – чтобы смыть остатки пыли из тропического леса и запахи животных, которых он там лечил. Это был его способ дистанцироваться от поездки, которая, с одной стороны, дестабилизировала его, а с другой – была необходима ему для душевного равновесия. Он подсознательно стремился не навязывать мне запах, незнакомый, непривычный и в любом случае не похожий на запах моего мужа. Он молча, без единого слова, лег рядом со мной. В эти ночи мы, как правило, молчали, потому что не знали, с чего начать. В последний месяц мы, естественно, общались, но всегда обсуждали только житейские вопросы. Поэтому, чтобы не бормотать невнятные слова и не начинать фразы, которые не сумеем закончить, мы предпочитали дотрагиваться друг до друга, обмениваться ласками и жадными поцелуями. Нам нужно было раствориться друг в друге, чтобы удостовериться, что расставание ничего между нами не изменило. Ксавье стремился узнать,

та ли я, от которой он уехал, по-прежнему ли принадлежу ему, а мне было необходимо убедиться, что он действительно вернулся, вернулся *ко мне*, даже если мыслями он еще на несколько дней останется *там*. В такие ночи мы занимались любовью, тесно прижавшись, побуждаемые настоящей потребностью, глубокой и медленно нарастающей. Голод по близости, взаимное желание отдаться увлекали нас в совсем иной мир, который был только нашим. Мы отстраивали его, привыкали к нему, заново делали своим.

Когда мы насытились и успокоились, наши тела все равно остались вместе, а наши взгляды и в темноте были прикованы друг к другу.

– Спи, Ава.

Я боролась со сном изо всех сил, потому что страстно любила эти ночи.

– Тебе тоже надо отдохнуть, ты наверняка вымотался.

– Ты же знаешь, что мне не уснуть после прилета. Отоплюсь следующей ночью...

Я не сомневалась, что завтрашний день он проведет не на диване. Как только за мной и детьми закроется дверь, он сядет на свой мотоцикл и отправится в ветеринарную клинику, ту самую, где мы с ним встретились больше пятнадцати лет назад.

Мне тогда было двадцать шесть. Однажды вечером после вернисажа я вышла на улицу. Возле мусорного бака притулился, скрючившись, больной котенок. Мне не хватило ни безразличия, ни смелости притвориться, что я его не заметила. Закутав несчастное существо в шарф, я положила его на пассажирское сидение и отправилась искать ветеринара, который бы работал в девять вечера. После множества неудач у меня оставалась единственная надежда. Вроде бы я слышала, как кто-то упоминал только что открывшуюся неподалеку ветлечебницу. Проезжая мимо, я увидела свет в окнах. Я спешно припарковалась как попало на стоянке, под проливным дождем пересекла на высоченных шпильках двор, прикрывая руками котенка, и забарабанила в дверь.

– Сейчас, сейчас! – услышала я.

На пороге вырос мужчина, которого появление незнакомой женщины не слишком удивило.

– Что у вас?

– Вот, нашла у мусорки и не знаю, что с этим делать.

Он засмеялся.

– С чем – «этим»?

Я собралась предъявить свою находку, но он проворчал:

– Льет как из ведра, темным-темно, я ничего не вижу. Зайдите.

В прихожей царил бардак: ветеринарные инструменты соседствовали с мешками с одеждой, ящиками с питанием и коробками с книгами. Судя по всему, я явилась некстати.

– Извините, я только переехал, – сообщил он, словно прочитав мои мысли.

Он обернулся ко мне, и я впервые увидела зеленый блеск его глаз. И спросила себя, позволительно ли иметь такие красивые глаза.

– Ну что, показывайте его, – произнес он, спуская меня с небес на землю.

Я развела руки, он осторожно приподнял шарф и нахмурился, услышав жалобное мяуканье котенка.

– Что-то ты не в форме, да?..

Он покачал головой и с грустью покосился на меня.

– Ваш?

– Нет, я же сказала, что нашла его возле мусорного бака.

– Сделаю все, что смогу, в любом случае спасибо, что не оставили его подыхать.

– Это нормально.

– Давайте его мне, можете идти домой и прятаться от дождя.

Промокшие волосы свисали мне на лицо тонкими прядями, макияж потек, вид у меня был, пожалуй, не самый привлекательный. Он подошел ближе, поставил руки под мои и застыл на пару мгновений. Мы оба были растеряны, не шевелились и не могли отвести друг от друга взгляд. Мне со-

всем не хотелось расставаться с котенком, а еще меньше – с его новым доктором. Однако, тяжело вздохнув, он в конце концов подхватил комочек шерсти и отошел от меня. Он обращался с ним предельно осторожно, но при этом искоса следил за мной, пока я шла к двери, робко шепча «до свиданья».

– Могу я узнать ваше имя? Надо же сообщить ему, кто его спас.

Я согласно кивнула и посмотрела на него сквозь ресницы.

– Я Ава, а вы?

– Ксавье.

Я ушла, беспокоясь за котенка и очарованная ветеринаром. В последующие несколько дней я часто вспоминала обоих, пока не пришла к заключению, что имею право узнать, как дела у моего найденыша. Я ушла пораньше из отцовской галереи, где тогда уже работала, и отправилась в клинику. Она была на замке, и я собралась садиться в машину, когда с ревом подъехал мотоцикл. Любопытство вперемешку с желанием, чтобы это был он, заставило меня помедлить, пока мотоциклист не снимет шлем. Ну да, я не ошиблась. Ксавье, сияя, подбежал ко мне.

– Добрый вечер, Ава. Спасла очередного котенка?

Я развеселилась, мне понравилась та непосредственность, с которой он только что сломал преграду между нами.

– Нет, просто хотела узнать, как он себя чувствует.

– Мадемуазель набирается сил.

– Потрясающе!

– Зайдешь к ней?

– Не хочу тебе мешать. У тебя же закрыто...

– Я на сегодня закончил. Так что у меня нет никаких дел, разве что ко мне заявится очередная юная красавица с котенком на руках.

Он шутовски подмигнул и расплылся в ухмылке, показывая, что иронизирует над собой и своей репликой записного ловеласа.

– Тебя малость занесло, Ксавье, – комично приструнил он себя.

Я опять засмеялась, очарованная его воодушевлением и естественностью. Вскоре Мадемуазель тихонько урчала у меня на руках.

– Не хочешь взять ее? – спросил он, почесывая кошечку за ушами. – Ей вроде нравится у тебя.

– А что я с ней буду делать?!

– Давай, возьми ее, – умоляюще протянул он и одарил меня взглядом грустного пса.

– Не дави на меня, это нечестно. Не могу я принимать серьезное решение с бухты-барахты! – уверенно произнесла я, но успела поймать довольное выражение, промелькнувшее на его лице.

– А если я приглашу тебя на ужин, чтобы у тебя было время все взвесить? Я здесь живу, так что не надо никуда идти. Я приготовлю поесть, ты съешь что захочешь, а заодно бу-

дешь ее гладить и...

— ...уйду с ней! — подколола я и расхохоталась.

Конечно же, я приняла его приглашение. Это был чудесный вечер. Мы много шутили, ближе знакомились, но главным образом старались понравиться друг другу. Ему недавно исполнилось тридцать. Он только что переехал сюда и открыл собственную клинику. Я пришла к выводу, что он не боится ответственности, если учесть размеры кредита, в который он ввязался ради покупки большого дома, где все или почти все требовало переделки. Он хотел создать ветеринарную лечебницу своей мечты, она должна была быть приветливой, уютной и, главное, избавлять от страданий и животных, и их хозяев. Он выбрал эту старую развалюху из-за огромного сада, в котором его пациентам будет где побегать. Сделал грандиозный ремонт, оборудовал кабинет, операционную, помещение для клеток. Он жил на бешеной скорости, идеи, желания, проекты били у Ксавье через край, он не экономил свое время, как если бы дни и недели его жизни длились дольше, чем у большинства смертных. Он без колебаний отдавал свои выходные приютам для животных, помогал всем, кто его просил. Мы ужинали в окружении картонных коробок, а Мадемуазель лежала рядом на диване, свернувшись клубочком. С каждой минутой меня все больше покорила исходящий от Ксавье свет, его искренность и простота, так не похожие на нравы мира искусства, в котором я родилась и выросла. Когда вечер приблизился к концу, он сооб-

шил, что завтра уезжает больше чем на месяц в Африку, поработать в ветеринарном центре, в гуще тамошних лесов.

– А с ней что ты намерен делать? – спросила я, беря на руки Мадемуазель.

– Отвезу приятелю, он подыщет для нее семью.

Я приподняла зверушку и потерлась щекой о ее шерсть.

– Не стоит, я ее забираю.

Когда я объявила, что мне пора, Ксавье не попытался меня задержать, и я расстроилась, что он не уловил посылаемые мной сигналы. Он дал мне все, что нужно для кошки, и проводил к машине. Мадемуазель устроилась на переднем сидении. Я поблагодарила Ксавье за ужин. Он кивнул в ответ, покосился направо, затем налево. После чего совершенно неожиданно – пусть я и мечтала об этом – обнял меня. Я положила руки ему на грудь и ощутила, как бьется под ладонью его сердце.

– Я завтра улетаю, Ава, если бы не это, я предпочел бы, чтобы сегодняшний вечер закончился по-другому.

Он наклонился, поцеловал меня так, словно его жизнь зависела от этого поцелуя, и я поняла, что никогда его не забуду. Наши слившиеся воедино губы увлекли нас далеко, очень далеко, и мне показалось, что такой легкой, как в его объятиях, я не была никогда. Он оторвался от меня и натянуто улыбнулся.

– Я не из тех, кто проводит ночь с женщиной, а наутро

сбегает. Особенно когда я догадываюсь, что еще немного, и я не смогу без нее жить.

Я прильнула к нему.

– Ты вернешься?

– Да.

Я поцеловала Ксавье в последний раз и высвободилась из его рук. А потом с тяжелым сердцем ушла.

Последовавший за этим месяц был самым долгим в моей жизни. Я утешалась, наблюдая, как Мадемуазель методично крушит мою квартиру, а отец психует из-за того, что я только и делаю, что витаю в облаках и спрашиваю себя, увижу ли Ксавье. Но как-то вечером дверь галереи распахнулась, и на пороге появился он со своей дорожной сумкой цвета хаки. Он был измучен, в волосах еще остался песок, но сияющие зеленые глаза обещали мне очень многое. В день его возвращения клиника стала местом нашей первой ночи любви.

Пятнадцать лет спустя у нас уже был собственный дом, до краев наполненный счастьем, и двое детей: Пенелопе было одиннадцать, а Титуану – семь. Мадемуазель жила по-прежнему с нами, а клиника успешно работала. Ксавье, как и раньше, раз в год уезжал на другой конец Земли, в центры приматов и хищников, которым грозило исчезновение. Мне ни разу не пришлось в голову отговорить его, ему было необходимо приносить пользу, причем не только в своей лечебнице. Наша семья давала смысл его жизни, но личное участие в добром деле также было для него крайне важно. Я бы

с удовольствием поехала с ним, но никогда не предлагала: не хотела навязываться, ведь там он оставался наедине с собой. Он знал, что в такие дни меня терзают страхи, что по вечерам я, бывает, плачу от усталости и тоски. Каждый год он извинялся за это, а покупая билет на самолет, предлагал отказаться от поездки, но мне не улыбалось быть виновницей такой жертвы. И я любила его таким, какой он есть.

* * *

Утром меня разбудил щебет Пенелопы и Титуана. Я быстро оделась и спустилась на кухню. Наши завтраки всегда были оживленными и становились еще более шумными, когда к нам присоединялся Ксавье. Для нашей семьи завтрак – своего рода ритуал, и все мы готовы даже раньше встать, лишь бы не пропустить его. Фоном звучало радио, но мы его практически не слышали, потому что разговор не смолкал ни на мгновение. Тем не менее радио было частью нашего утра, и мы воспринимали его как давнего приятеля. Под глазами у Ксавье набрякли впечатляющие мешки, но их успешно компенсировал сильный загар. Стол был заставлен мисками с хлопьями, чашками, тарелками со свежим хлебом и круассанами, которые Ксавье наверняка купил до того, как проснулись дети. Теперь он стоял у стола, и я воспользовалась этим, чтобы обнять его.

– Хорошо поспала? – спросил он.

– Отлично. Но кофе не помешает – ночь была короткой.

Он ухмыльнулся, поцеловал меня и потянул к столу, обращаясь к детям:

– Давайте, выкладывайте, как вы тут жили без меня?

Я слушала их, впитывая любовь и нежность. У Пенелопы и Титуана, взбудораженных появлением отца, энергия зашкаливала, но вместе с тем они были внимательнее и ласковее друг с другом, чем обычно. Наша старшая как будто ненадолго забыла, что в последние месяцы не выносит своего младшего брата, а Титуан, в свою очередь, не помнил, что после поступления сестры в коллеж считает своим долгом постоянно дразнить ее. Ксавье сосредоточенно слушал, потешался над их историями и не слишком сокрушался из-за того, что некоторые события прошли мимо него. Они болтали обо всем: об учебе, друзьях и подружках, занятиях спортом, играх, проблеме повторной переработки мусора – и обсуждали жизненно важные вопросы, в частности, когда мы пойдем есть картошку фри. После того как был выбран подходящий день, Ксавье хитро подмигнул и спросил у детей, хорошо ли я себя вела. Это позабавило меня, и я уткнулась в чашку, с интересом прислушиваясь к их отчету.

– Она нас не очень ругала, – начал Титуан. – Потому что мы ее слушались, папа.

– Ну-ну... только не ты, – включилась его сестра, скорчив скептическую и снисходительную гримаску, характерную для детей на пороге пубертата.

Меня потрясала метаморфоза нашей старшей, произошедшая всего за несколько недель: как моя малышка могла в мгновение ока стать тинейджером, откуда вдруг вечное недовольство всем, обидчивость и скрытность? Низкий поклон тебе, переходный возраст! Титуан вскочил со стула, готовый броситься на сестру, Ксавье молниеносно среагировал, схватил сына за руку и усадил обратно.

– Так, спокойно! Я спрашивал не о вас, а о маме... так что...

Титуан уничтожил сестру взглядом – она еще за все заплатится. Какое блаженство, что мне больше не придется улаживать их разборки в одиночку! Пенелопа пожала плечами, показывая, что ее не испугать какой-то козявке, пусть это и ее брат, и переключилась на папу.

– Мама... она очень много работала, когда тебя не было.

Ксавье удивленно приподнял брови.

– Да что ты...

– Все вечера она приходила поздно... С нами всегда сидела Хлоя.

Хлоя была няней наших детей с самого раннего возраста и нашей спасительницей. В те вечера, когда я задерживалась в галерее, а Ксавье безостановочно принимал больных – он никому не мог сказать «нет», – ей часто приходилось оставаться и после семи вечера, прописанных в договоре.

– Что вы затеваете у себя в галерее? – поинтересовался Ксавье.

Там, в чаще своих африканских джунглей, он наверняка пропускал мимо ушей информацию, которой я с ним делилась.

– Прямо перед твоим отъездом я встретила потрясающего художника, ты уже забыл?

– Смутно припоминаю...

– Неважно... Я предложила ему выставиться и обязательно устроить вернисаж, поскольку у него накопилось достаточно работ. Он согласился!

Я встала, чтобы налить вторую чашку кофе и, главное, чтобы уgomонить охватившее меня возбуждение.

– У него потрясающие полотна, – продолжила я. – Ты должен их увидеть, ты сам поймешь... да он и человек интересный, увлеченный своим делом... э-э-э, со своими тараканами, не стану скрывать. Но это часть его личности. Мы с ним прекрасно ладим... В общем, я целиком, на двести процентов, сфокусировалась на нем. Ты уехал, и мне ничего не мешало заняться выставкой.

– То есть ты без меня не скучала, – криво усмехнулся он.

Я прыснула и потянулась к нему, обхватила его шею руками и поцеловала в щеку.

– Вот дурачок! Должна же я чем-то себя занять, пока тебя нет. К тому же Идрис талантлив! Очень и очень... Он появился как раз тогда, когда надо было, благодаря ему дни без тебя тянулись не так долго.

– Знаешь, по-моему, ты уже давно не увлекалась так ни

одним художником.

Вскоре дети были готовы к выходу. Фантастика, но Пенелопа спросила Ксавье, не может ли он подвезти ее в коллеж — с начала учебного года для нее стало делом чести ходить туда самостоятельно.

— Лови момент, — шепнула я мужу, — пока ей хочется похвалиться перед подругами отцом-авантюристом... Завтра она о своем желании забудет!

— Не собираюсь лишать себя удовольствия... Ты уже уйдешь, когда я освобожусь?

— Нет, подожду тебя дома. А ты сможешь сегодня зайти в галерею? Посмотришь, как мы готовимся к выставке? Очень хочется все тебе показать.

Он снисходительно покивал. Муж хорошо меня знает: когда мне что-то втемяшится...

— Да, конечно.

Но и я его знала не хуже: он забудет об уговоре, едва переступив порог своей клиники.

Глава вторая

Как обычно, Ксавье умчался на мотоцикле в клинику, а я пошла пешком в галерею. Эти пятнадцать минут – мой незыблемый ритуал начала дня. Я люблю шагать по улицам, знакомым мне всю жизнь. Лучший отрезок пути – когда я сворачиваю за угол той из них, где находится мой второй дом. Она пешеходная, узкая, усеянная ловушками корявых булыжников, с которыми я легко справляюсь, поскольку именно на них сделала свои первые шаги. Это почти и не улица, а маленькая деревня. Причем из другой эпохи, из другого времени. Она словно застыла и отказывалась меняться. Стены фахверковых домов бросали вызов закону притяжения, краски выцвели, но никого это не волновало, поскольку ничто здесь не утратило своей чудесной прелести. Обаяние этого места тормозило порывы девелоперов, заставляя их откладывать очередной строительный проект. Нас нельзя было убрать. Как и каждое утро, я помахала Аните, державшей букинистическую лавку, Жозефу, моему соседу из музыкальной мастерской – маленькому, с годами усыхающему человечку, возраст которого невозможно было определить, – поприветствовала цветочницу Сибиллу и зашла купить что-нибудь вкусненькое к старым булочникам, которые уже было собрались уйти на покой, но передумали и снова открыли лавку, где торговали собственноручно изготовленными сла-

достями. Перед галереей я послала воздушный поцелуй Лили, владелице ресторана. Старожилы из местных знали меня еще ребенком, а до того дружили с моим отцом и дедом. Я крутанула большую латунную ручку двери, прошла по галерее, зашвырнула сумку и пальто в кабинет, а затем сделала традиционный ежедневный обход своих владений, цоккая каблуками по каменной плитке пола. По мере продвижения я зажигала светильники во всех трех выставочных залах, разделенных арками и несколькими ступеньками. Мне нравился перепад уровней, который сам по себе менял атмосферу. Все здесь было вкривь и вкось, что неудивительно, если учесть возраст дома. Экспозиция, на первый взгляд хаотичная, на самом деле следовала девизу моего деда: «Красивые вещи всегда сочетаются друг с другом». Скульптуры и живописные работы стояли и висели рядом, образуя мешанину органических веществ, минералов, красок – иногда сверкающих, иногда мрачных, а иногда еле-еле проступающих на белоснежных холстах.

Я всегда жила в галерее. В ней мой отец меня воспитывал и здесь же дал мне профессиональное образование, прежде чем доверить галерею. Так же поступил с ним мой дед. Бабушку я не знала, она умерла за несколько лет до моего рождения. В нашей семье ремесло галериста передавалось из поколения в поколение, и мы едва избежали катастрофы: когда я родилась, дед скорчил гримасу отвращения, так как папа с

его *придурочной*, в которую он на беду ухитрился влюбиться, не сумели принести в семью наследника мужского пола... Та пора давно позади, но когда я о ней вспоминаю, у меня просто мороз по коже.

Моя мама... Самое большое разногласие между папой и дедом. Я знала всю историю, каждый поделился со мной своей версией, и, как ни странно, три описания ситуации не слишком разнились. «Никогда ни одна женщина не получит мою галерею», – прорычал дед, узнав, что у него родилась внучка. Тогда папа хлопнул дверью галереи, война между ним и дедом длилась несколько месяцев, и оба терзались, чувствуя себя неприкаянными: отец лишился работы, а дед – сына. В конце концов они пошли на уступки. Отец перестал яростно защищать любовь всей своей жизни – принял тот факт, что отношения между его отцом и женой никогда не наладятся, – а дед согласился не нападать на невестку и признать «ее потомство». Их компромисс, как выяснилось, благоприятно сказался на моих отношениях с дедом, потому что мне удалось его очаровать. Заворожить, как любил он повторять, подмигивая.

И напротив, что касается моих родителей, вся эта история в определенном смысле доказала дедову правоту. Мама была художницей и хиппи, ностальгирующей по Вудстоку. Когда-то давно родители безумно влюбились друг в друга, но под скептическим оком патриарха их страсть продержалась всего несколько лет. Мое появление на свет наполнило маму

счастьем, которого хватило, однако, лишь до моего трехлетия. Устав от жизни, полностью противоречащей ее мечтам о гармонии коммуны — одной любви не всегда достаточно, — она уехала, бросив нас с папой вдвоем.

Не знаю, где отец нашел силы вернуться к жизни, не сдаться и заботиться обо мне с такой любовью и нежностью. Он не падал духом и сумел воспитать меня, ни разу не сказав худого слова о жене, а скорее даже призывая терпимо относиться к ней и ее выбору. Ему было легче признать, что мама счастлива в ее другой жизни, чем удерживать жену с нами, делая несчастной. Это может показаться ненормальным, но я никогда всерьез на нее не обижалась, и в детстве, и в подростковом возрасте мне жилось морально комфортно, отец и дед баловали меня и защищали от невзгод. То, что я выросла без матери, научило меня самостоятельности и независимости. Я была единственной женщиной в семье, привыкла легко справляться с хозяйством и очень быстро стала в нашем доме главным человеком. К тому же мама всегда оставалась в некотором смысле неподалеку. Она регулярно писала нам письма, сообщала о своих новостях, справлялась о наших. В конверты она вкладывала свежие фотографии, и мы поступали так же. Иногда она приезжала к нам. В такие дни я наслаждалась присутствием мамы в бандане и длинном платье в цветочек, упорно старавшейся приохотить меня к живописи. Когда мне исполнилось десять лет, я потребовала, чтобы меня отпустили к ней в гости. Папа согласился, хоть и

жутко боялся, что я так там и останусь. В коммуне мне давали свободу, о которой мечтает любой ребенок: я бегала, веселилась, пела, могла целый день проходить в одних трусах или в костюме лесного гнома, без всякого распорядка дня и особых запретов. Там я много рисовала, научилась лепить из глины и рассказывать разные истории. Мной, как и остальными детьми, занималось, безотносительно к родственным узам, множество колоритных персонажей. Это был чудесный и оторванный от действительности мир. После нескольких недель в маминой коммуне я всегда возвращалась домой и в галерею всем довольная, уверенная в себе и благодаря стабильности домашнего существования и папиному постоянству заново убеждалась в материальности окружающего меня мира.

Я даже не заметила, как отец с дедом приобщили меня к искусству. Оно пришло ко мне без усилий, естественно, как дыхание. Искусство было частью их личностей, и они передали мне бескомпромиссность оценок, острое чувство подлинности, безупречный нюх на таланты. В детстве я делила все дни на будние – с занятиями в школе и домашними заданиями, которые я делала в галерее, – и выходные в музеях, на выставках, в мастерских художников, куда меня водил дедушка, уже тогда передавший управление семейным делом папе. Когда я была в галерее с отцом, я с восторгом наблюдала, какие чудеса ловкости он демонстрирует, продавая по-

лотно или скульптуру или уговаривая художника подписать с ним контракт. Уткнувшись носом в тетради, я слышала, какие аргументы он выдвигает, как соблазняет, заставляет мечтать, ободряет, обнадеживает. Тщательно подбирая слова и выстраивая фразы, мой отец балансировал, как канатоходец на проволоке. Эти навыки запечатлелись в каждой клеточке моего существа, я впитала в себя его страсть и сделала своей. Талант общения, мастерство соблазна и любовь к художникам, свойственные галеристам, раз и навсегда укоренились в моем сознании. Я не мешала деду утверждать, будто его гены сильнее маминых, понимая, что спорить с таким старым упрямым — бесполезная трата энергии.

Я не сомневалась, что как только я сдам выпускные экзамены, папа позовет меня к себе на работу. Но все вышло по-другому. К моему изумлению, он отправил меня продолжать учебу на другой конец страны и при этом настаивал, чтобы я специализировалась не на истории искусства, а на другой дисциплине. Мне пришлось сражаться с ним за право самостоятельно выбирать предмет обучения. Это была заодно и последняя битва деда на закате его жизни и единственная, которую он вел плечом к плечу с моей матерью. Он, когда-то безоговорочно отвергший даже самую возможность того, что однажды я возьму *его детище* в свои руки, лучше всех понял, что нельзя препятствовать воплощению моей страсти в жизнь. Но даже после окончания магистратуры папа не пустил меня в галерею и отправил на многочисленные ста-

жировки к своим друзьям-коллегам. Он хотел, чтобы я повидала мир, познакомилась с другими формами искусства и разными культурами: я ездила в Африку, в Южную Америку. Ему было важно, чтобы я открылась всем жанрам творческих высказываний и приобщилась к тонкостям художественного рынка. Он считал необходимым, чтобы я завязала собственные знакомства, моя записная книжка заполнилась контактами, а я усвоила другие методы работы галеристов, менее академичные, чем его собственные. Пришлось ждать, пока мне исполнится двадцать шесть, и только тогда он позволил мне приехать домой. У меня словно гора упала с плеч. Да, мне безумно понравилось путешествовать и узнавать мир, но я рвалась обратно, в родные стены, и хотела наконец-то занять свое место рядом с отцом. Я скучала по нему, по галерее и по еще витавшим там воспоминаниям о деде.

Уже во Франции я очень быстро поняла причину, а точнее причины, навязанного мне изгнания. Прежде всего, отец был уверен, что держит меня в золотой клетке, и опасался, что однажды я не выдержу сидения в четырех стенах галереи, сорвусь и пошлю все к черту, примерно как это сделала мама. Кроме того, он хотел показать мне все поле возможностей, хотя длительное отсутствие любимой дочери разрывало его сердце – впрочем, как и мое, но только мое в меньшей мере, поскольку я проживала потрясающее приключение. Но была и еще одна причина, конечно, эгоистичная, но такая сокро-

венная и такая красивая, что я тут же простила его, когда он признался в ней. После двадцатилетней разлуки они с мамой были опять вместе и проживали новый тип отношений, соответствующий их характерам. На них больше ничего не давило, им не нужно было воспитывать ребенка или перед кем-то отчитываться. У них, естественно, и в мыслях не было возобновить совместную жизнь, они встречались только ради наслаждения искусством и любовью. Маме было плевать, как я к этому отнесусь, зато папа был в ужасе. Услышав это, я залилась смехом и сообщила ему, что не слепая и с раннего детства знала, что они никогда не переставали любить друг друга. Я без сомнений предпочитала честное признание любым попыткам скрыть происходящее между ними, тем более что оба они давно вышли из возраста, когда надо прятаться. И я никогда не судила их за сделанный выбор, такое мне просто не взбрело бы в голову.

Лет десять мы руководили галереей вместе. Я завершала свое образование, учась у него, и это было прекрасно, захватывающе и усиливало мое рвение. Я не воспринимала ситуацию именно как совместную работу с отцом, впрочем, он не позволял называть его в галерее папой. Среди произведений искусства, художников, клиентов он был Жоржем – я помогала мэтру, наставнику, считавшему меня равной себе. Я полагала, что наше сотрудничество будет длиться вечно. Однако незадолго до того, как Титуану исполнилось три года и он пошел в детский сад, папа призвал меня к себе весьма тор-

жественным образом, что было абсолютно не в его привычках. Стоя перед гигантской картиной в размытых серо-голубых тонах, изображающей горизонт, которую мы только что продали и которую папа особенно любил, он объявил о своем уходе:

– Ава, дорогая, пора отпустить тебя в свободное плавание... Именно этого хотел бы твой дедушка... И этого хочу больше всего на свете я... Отныне галерея – твоя.

Его патетическая речь и затуманившийся взгляд, обращенный к полотну, помешали мне воспротивиться. Хотя и тело, и мозг вопили: «Нет, нет, не сейчас, еще слишком рано!» Я была в ужасе, чувствовала себя неспособной остаться одной и без него сохранить галерею и продолжить ее жизнь. Но я никак не могла отвергнуть его просьбу, его пожелание. Мой отец, человек, которым я восхищалась, как никем другим, считал, что обязан позволить мне расправить крылья. Так он показывал, что я уже действительно взрослая и научилась управлять своей жизнью женщины, матери и галеристки. Я не стала проявлять эгоизм, удерживая его, тем более что, если честно, для меня все складывалось хорошо. Я не стала ничего говорить, потому что слова были бы бесполезны, я просто потянулась к нему и уткнулась лицом в плечо, глотая слезы волнения.

Я нередко повторяла себе, что мне очень повезло с профессией и что ее, как и галерею, я получила в наследство.

Ощущение обострялось в такие периоды, как этот, когда я с головой уходила в подготовку вернисажа, с которым связывала большие надежды. Последние несколько месяцев дела шли не очень хорошо, показатели снизились, а дверь галереи открывалась не так часто, как несколько лет назад.

Я воспользовалась спокойной обстановкой второй половины дня в середине недели, чтобы в последний раз проверить каталог выставки Идриса. В этот момент в стеклянную дверь заколотили так, что я вздрогнула. И совсем не удивилась, увидев через стекло Кармен, единственную и неповторимую. Мою лучшую подругу. Я вскочила и поторопилась открыть, пока она все не разгромила.

– *Hola!*¹ – пропела она бархатным голосом.

Непослушная черная шевелюра в кудряшках, тельняшка, вечный широченный комбинезон из джинсовки – Кармен единственная женщина на планете, которая умудрялась сделать этот наряд сексуальным, – и ослепительная белозубая улыбка: вместе с ней в помещение всегда врывалось солнце. Я отошла, пропуская ее. Руки Кармен были увешаны пакетами, что не сулило ничего хорошего... моему желудку. Однажды она испугалась быстрого бега времени и вознамерилась перейти на здоровый режим питания. Хуже всего было то, что она сама готовила овощные соки, смузи и совершенно несъедобные лепешки из цельного зерна. Я особо не беспокоилась: она слишком любила хорошую жизнь, чтобы вы-

¹ Привет! (исп.)

держивать такую еду долго. Но пока она рвалась и меня посадить на свою диету. Я последовала за ней к нашей кладовке, заменявшей кухню, и то, чего я опасалась, началось. Она вытащила из огромной сумки блендер, наполненный зеленоватой субстанцией – меня затошнило от одного ее вида – и пластиковые лотки с сомнительным содержимым.

– Давай, признавайся, что это у тебя? И для кого все это?

– Я приготовила для тебя коктейль *miu caliente*², чтобы ты была в форме... Твой большой зверь прилетел этой ночью, если я ничего не путаю!

Я закатила глаза, не решив, что лучше – расхохотаться или разозлиться на нее.

– Судя по черным кругам, вы не откладывали ничего на потом и поспешили отметить его приезд! Ну-ка, выпей!

Не успела я запротестовать, как она налила большой стакан своего пойла и протянула мне.

– Только вместе с тобой, и сначала мы чокнемся.

Ее передернуло.

– Ой, Ава, не надо, я, как встала, первым делом проглотила целый литр этой гадости.

На этот раз я не удержалась и зарыдала от смеха.

– Если я сегодня вечером буду не в форме, ответственность на тебе...

Она ругнулась на родном языке и сделала первый глоток, испепелив меня взглядом, а я последовала ее примеру, зажав

² Здесь: крутой; вырвиглаз (*исп.*).

нос.

Мы познакомились много лет назад, когда я была в Буэнос-Айресе. Молодая и талантливая аргентинская скульпторша, она хотела выставляться в галерее, где я тогда стажировалась. Ее работы мгновенно покорили меня. Ей не было равных в умении преобразовывать все, что попадалось под руку, превращая в произведение искусства. Она умела вдохнуть жизнь в любой материал, заставить его заговорить или передать ее душевное состояние. А оно у нее то и дело менялось, в чем я имела возможность со временем убедиться. Я ввязалась в настоящую битву с хозяином галереи, убеждая его взять Кармен под свое крыло: несмотря на ее несомненный талант, он побаивался огненного темперамента девушки. Хозяин сдался, когда я заявила, что скоро найдется другой галерист, менее трусливый. Он был задет за живое, подписал с ней контракт – и поступил абсолютно правильно. Я сразу же полюбила Кармен и за взрывы ее буйного характера, и за умение устроить праздник на пустом месте. Она открыла для меня свою страну, заставила брать уроки танго, познакомила с выставками художников андеграунда. Мы с ней вместе развлекались, плакали, влюблялись. С Кармен ничего не было безвкусным или банальным. Все было позволено. От нее веял ветер свежести с легкой приправой декадентства. Ее поведение, внешне весьма разбитное, ничего не значило – она четко держалась в границах дозволен-

ного. Мы гармонично дополняли друг друга: я делала ее более спокойной, а она помогала мне избавиться от зажатости. Мое возвращение в Париж не положило конец нашей дружбе, мы обменивались длинными письмами и периодически созванивались, наплевав на разницу во времени и заоблачную стоимость разговоров. Как раз в одной из таких телефонных бесед, когда она была раздавлена очередной любовной неудачей, я предложила ей приехать ко мне, пообещав поднять дух и познакомить со своей семьей. Она всегда жалела, что не побывала на нашей с Ксавье свадьбе и пропустила рождение Пенелопы. Кармен прилетела, да так и осталась в Париже, и с тех пор я занималась ее творениями. Впрочем, это слишком громко сказано: мне доставалась только роль статистки, потому что Кармен сама представляла свои работы лучше всех.

Сделав последний глоток ее жуткой бурды, я едва справилась с рвотным рефлексом. Сегодня, как и каждый день, забежав в галерею – по ее словам, совершенно случайно, – она попросила налить кофе, повертелась вокруг своих скульптур, уселась в кресло по другую сторону моего стола и принялась болтать, не обижаясь на то, что я вернулась к работе ровно с того места, на котором меня остановило ее вторжение.

– Как дела у Ксавье?

Я оторвалась от каталога и улыбнулась, растянув рот до

ушей.

– Ну, он вымотался, но вроде бы доволен – и поездкой, и возвращением! Только жаль, что я так занята... плохо все рассчитала.

– Твой юный подопечный отнимает у тебя всю энергию!

И тут мимо витрины прошел Идрис.

– А вот и он, легок на помине.

Кармен передвинула кресло, чтобы посмотреть, кто там, за стеклом.

– Ох ты, какой душка, – проворковала она.

– Прекрати, Кармен. Если я не ошибаюсь, ты познакомилась с парнем, собиралась его нам на днях представить.

Она небрежно отмахнулась от моего замечания.

– Хочешь, я им займусь, пока ты возишься с бумагами?

– Даже не думай! Оставь его в покое, пока не пройдет вернисаж. Не смей выбивать его из равновесия, я и без того достаточно от него устала!

– Я тебя избаловала...

– Ты самый легкий и удобный художник, не спорю. Но, пожалуйста, держи себя в руках...

Дверь открылась, и Идрис застыл на пороге, увидев, что я не одна.

– Привет, Идрис! – радостно приветствовала его я.

– Привет, Ава... Приду позже, раз ты занята...

Я встала и поцеловала его в щеку.

– Нет-нет! Оставайся, Кармен как раз собралась уходить.

Хорошо, что ты пришел.

Вздых разочарования моего аргентинского торнадо нельзя было не услышать. Идрис потоптался на месте, после чего двинулся к двери. Я едва успела схватить его за руку.

– Кармен, – прошипела я.

– Ладно!

Она тоже подошла к выходу, не забыв прихватить свое ба-
рахло, смачно чмокнула меня, устояла и не поцеловала Ид-
риса, но все же не лишила себя удовольствия кокетливо хи-
хикнуть. Кармен неисправима.

– *Besos*³, Аванита, дорогая!

Она вышла, оставив дверь нараспашку, уселась на велоси-
пед и обругала по-испански парочку прохожих, загородив-
ших ей проезд. А потом вернулись тишина и спокойствие, и
я смогла заняться Идрисом.

– Кофе будешь?

– Не хотел бы утруждать тебя, Ава.

Идрис готов был просить прощения за то, что дышит! Я
не стала реагировать на бессмысленные извинения, а вместо
этого успокаивающе похлопала его по руке и пошла за чаш-
кой.

Многообещающий талант Идриса не избавлял его от па-
рализующего страха. Он справился со своей робостью один-
единственный раз – до сих пор не понимаю, как ему это уда-

³ Целую тебя (*исп.*).

лось, — когда явился в галерею. Правда, я клещами вытаскивала из него каждое слово, пытаюсь выяснить, чего он от меня хочет. Чтобы понять, что он пишет картины, мне пришлось попотеть. Он привык терпеть насмешки, его никогда не ценили, никто не поощрял его занятия живописью, напротив, знакомые уговаривали перестать упорствовать и бросить это пустое дело. В конце концов он сдался. От меня он ждал отзыва, который подведет его к окончательному решению: заниматься ли ему живописью или лучше поставить на ней крест. Я поверила в него. Уже давно ни один художник не производил на меня такого мощного впечатления, как Идрис. Выход на публику приближался, давние демоны заявляли о себе, все настойчивее терзая его, и с каждым днем мне приходилось чаще и чаще гасить Идрисовы вспышки паники. Насколько Кармен вела себя в галерее полноправной хозяйкой, настолько же растерянно слонялся из зала в зал он, испуганно косясь на выставленные картины — его собственные мы еще не развесили — и принимая как данность, что ему не выдержать конкуренции с остальными художниками. Он страдал синдромом самозванца и постоянно извинялся за сам факт своего существования, а я прикидывала, как его излечить. Но сколько я ни повторяла, что не сомневаюсь в нем, ничего не менялось...

— Я не приду сюда... в главный вечер.

Пробил час жестких мер. Я подошла к нему, схватила за плечи, заставила посмотреть в глаза. Скрыла одолевающую

меня досаду с примесью иронии, чтобы не огорчать его еще больше. Он был очень крупным мужчиной и при этом неуклюжим, плохо управляющим своим телом. Я напоминала себе школьную учительницу, намеренную отчитать нерадивого ученика. В свои сорок три года Идрис оставался ребенком: я была растрогана тем, что в отличие от других художников, которые меня этим ужасно раздражали, он не ломал комедию и не играл роль непризнанного гения, а был таковым по жизни.

– Исключено, я тебе не позволю, вернисаж без автора невозможен... Твои акции резко вырастут, это не подлежит сомнению, и пока тебе еще рановато прятаться, поддерживая миф о творце, окутанном тайной.

– Я ничего не смогу, я не умею говорить... Я все испорчу. Я не создан для света прожекторов.

– Ты-то, может, и нет, но вот твоя живопись – еще как... И она нуждается в твоём присутствии. Я буду помогать тебе на вернисаже, поддержу, если понадобится, подскажу правильные ответы.

Он продолжал трясти головой, не соглашаясь, сегодня он был особенно напуган. Я приготовилась разыграть самый старший козырь – воззвать к его чувству вины. Без этого было не обойтись, поскольку оставшиеся до вернисажа две недели будут слишком долгими, если мне придется ежедневно гасить очередной кризис.

– Идрис, если ты не придешь, мне придется все отме-

нить. Не забывай обо мне, о репутации галереи. Приглашения разосланы, в том числе журналистам, представителям элиты, галерейщикам... И какое у них будет мнение обо мне, если ты сбежишь?

Он и так был бледным, но после моих слов побледнел еще больше. Возможно, я зашла слишком далеко.

– Ава, ты понимаешь, как сильно давишь на меня?

– Прекрасно понимаю, – ответила я с садистской ухмылкой. – Идрис, у нас уже достаточно полотен для вернисажа, но продолжай писать, потому что иначе ты свихнешься, я тебя знаю. Выражай свой страх и беспомощность, и результат будет захватывающим, не сомневаюсь. Не волнуйся, я найду место на стене.

Он потупился.

– Извини, что напрягаю... просто у меня перехватывает горло от страха, и я не знаю, как себя вести... Ты единственная, кому удастся укрепить мой дух.

– Не беспокойся, это моя работа, и я верю в тебя.

Я едва не завопила «Аллилуйя!» при виде его робкой улыбки. Он пришел в себя, по крайней мере на ближайшие несколько часов, поэтому я позволила себе показать ему фотографии картин в каталоге.

Как это часто случается со мной, я увлеклась рассказом Идриса о его работе, принялась мечтать об успехе и потеряла счет времени. Я знала, что впереди у нас много сверше-

ний, то есть в основном у Идриса, а у меня опосредованно. Кстати, именно за это я любила свою профессию. Когда мой взгляд случайно зацепил настенные часы, я поняла, что не заметила, как стемнело, а Ксавье не появился, хоть и обещал. Было около восьми вечера.

– Идрис, не обижайся и не воображай, что я тебя выгоняю, но мне нужно домой. Тем более что мой муж прилетел сегодня ночью...

– Извини, Ава.

– Да хватит уже извиняться! Я сама виновата, что не посмотрела на часы.

Он обошел вместе со мной галерею, чтобы выключить освещение. Я взяла сумку, пальто и ключи, и мы вдвоем вышли на улицу. Закрывая дверь, я едва не захлопала в ладоши – шел дождь. Я быстро нырнула в вестибюль, схватила огромный зонт и открыла его, прокрутив купол над собой.

– Ты, что ли, рада дождю, Ава?

Я скорчила притворно смущенную мину. Я одна из немногих, кто любит дождь зимним вечером. Мне нравятся капли в свете автомобильных фар, нравится необходимость поторопиться, быстрее укрыться. Как это элегантно – прятаться под зонтом, перепрыгивать лужи, в особенности как сегодня, в туфлях на высоких каблуках. Покалывание влаги и холода, прокладывающих себе дорогу по шее, под одежду, вызывало дрожь блаженства. А потом наступала очередь главного вознаграждения: вбежать в дом, вытереть волосы теплым поло-

тенцем и зажечь огонь в камине. Но сегодня я вряд ли успею это сделать!

– Хорошего вечера, Идрис, и пожалуйста, не забывай то, о чем я тебе сказала. Пиши! Не прекращай писать картины!

Я встала на цыпочки, поцеловала его и умчалась, как и предвкушала, вприпрыжку, перескакивая через лужи.

Я влетела в дом и, проигнорировав шумные восторги собаки и кошки, встретивших меня на пороге, как они делали это каждый вечер, быстро прошла на кухню, где дети с няней сидели за столом. Получается, Ксавье все еще в клинике... Недолго же он включался в привычный ритм.

– Хлоя, прости меня, умоляю. – Я поцеловала няню.

– Ничего страшного, я взяла на себя смелость накормить их.

– Ты суший ангел. Не знаю, что бы без тебя делала.

На ее лице отразились привычные робость и смущение, она не выносила комплиментов.

– Давай! Беги домой!

Она пулей выскочила в прихожую, а я наконец-то поздоровалась с детьми.

– Ну как прошел день, все о'кей? – поинтересовалась я у Пенелопы.

Она безразлично пожала плечами.

– А у тебя, мой дорогой?

Титуан поднял большой палец, ответить по-другому он не

мог, поскольку рот был набит макаронами, большую ложку которых он приготовился проглотить.

– До завтра, – заглянула к нам Хлоя.

Пенелопа помахала ей рукой и послала воздушный поцелуй – значит, у нее все же не такое паршивое настроение, – а Титуан быстренько дожевал макароны и вскочил, чтобы поцеловать няню.

– Хорошего вечера, – пожелала я.

Пока они доедали, а я готовила *ужин для взрослых*, дети выложили мне все, что случилось за день. Вынуждена признать, что слушала их вполуха. Но по звукам голосов и их ссорам я поняла, что они в порядке, все хорошо, ничего серьезного не случилось, и значит, сегодня ночью мы все четверо сможем спать спокойно. Но для этого требовалось, чтобы вернулся Ксавье!

Рокот мотоцикла раздался спустя три четверти часа. Месье бурно выразил радость, приветствуя хозяина громким лаем. Ксавье, конечно же, не торопился уйти от него, они успели даже покататься вдвоем по полу, не сомневаюсь. Я все еще возилась с ужином, когда он приблизился сзади, взял меня за талию и положил подбородок на плечо. По тому, как сильно он надавил на него, я поняла, что Ксавье устал.

– Не надо было ждать меня с ужином...

Я подняла на него глаза и поцеловала в щеку.

– Мог бы сегодня вечером явиться пораньше, – упрекнула

я.

Он вздернул бровь с позабавленным видом, а я легонько ткнула его локтем в бок.

– Нальешь нам вина? – попросила я.

– Слушаю и повинуюсь!

После ужина мы устроились на диване, прижавшись друг к другу, и я блаженствовала в объятиях Ксавье. Я очень соскучилась по нему. Он рассеянno гладил меня по волосам и подробно расспрашивал о вернисаже и об Идрисе. Однако когда после нескольких фраз я замолчала, он на это никак не отреагировал, потому что ушел мыслями в свой далекий мир. С ним такое бывало после возвращения из Африки, он вечно витал в облаках, адаптируясь к повседневной жизни.

Когда поездка Ксавье подходила к концу, он душой по-прежнему пребывал где-то вдали от дома, и его одолевали заботы. И всякий раз меня преследовал один и тот же вопрос: не стало ли это путешествие лишним? Тем, из которого он уже не возвратится? Останется мыслями там? Не покажется ли ему жизнь, которую мы ведем, пресной? Всегда, когда после окончания своей миссии он приезжал к нам, его оглушал физический и моральный диссонанс. Помимо центра защиты животных он работал также в диспансере и в школе деревни, где жил. Поэтому неудивительно, что, оказавшись в своем большом доме с женой-галеристкой и с красивыми, здоровыми и ни в чем не нуждающимися детьми, Ксавье неиз-

бежно испытывал трудности с совмещением в сознании двух вселенных. В течение нескольких дней он переживал молчаливый внутренний протест, который был очевиден только мне. Это, к счастью, длилось недолго, поскольку муж умел возводить перегородки и поддерживать равновесие между выполнением своего долга там и нашей жизнью здесь.

– Как сегодня было в клинике? – спросила я, чтобы вернуть его в реальность, а также потому, что меня это заботило.

Ведь я была накрепко привязана к этому месту нашей первой встречи и первой ночи любви. И не только. Мы прожили там несколько лет, вплоть до рождения Титуана. С его появлением семья разрослась, и пришлось бы раздвигать стены, если бы мы захотели остаться в клинике. Да и мне было не совсем комфортно: изводил непрерывный лай собак и скулеж бездомных животных, которых регулярно подбирал Ксавье. Я подозревала, что перемен жаждал и он, в противном случае мой муж и носа не высунул бы из своей ветлечебницы, даже по воскресеньям.

– Мой подменщик оставил дикий бардак! Придется попотеть, чтобы привести все в порядок и восстановить нормальные условия работы, потому что он все делал как попало!

Да, в ближайшие дни Ксавье будет редко радовать нас своим присутствием. Заметив, что он зевает, едва не вывихивая челюсть, я предостерегла его:

– Будь все же осторожен для начала, не хватайся за дело слишком рьяно, адаптируйся постепенно.

Он состроил скептическую гримасу, как если бы мое беспокойство было смешным и нелепым.

Глава третья

Жизнь вошла в привычную колею. Я носилась, как сумасшедшая, чтобы все успеть, – давно не устраивала вернисаж, отвыкла. В последние годы я утратила драйв и находила тысячи оправданий, чтобы отложить на потом очередное дело или отменить нужную встречу. Я потеряла хватку и часть уверенности в себе. Не говоря о том, что в течение дня я почти не пересекалась с Ксавье и детьми и мне их очень не хватало. В первую очередь мужа и его поддержки, которую я особенно ждала после его долгого отсутствия. А ведь это было мне не в новинку. Как я пожаловалась Кармен, организуя мероприятие для Идриса, я упустила тот факт, что оно совпадет с приездом Ксавье. Вообще-то это не так уж страшно, неустанно повторяла я себе, мы наверстаем упущенное позже. В этом году у него добавилось проблем в клинике, расписание было перегружено. Когда мы встречались по вечерам, на его лице были написаны усталость и озабоченность. Мне это не нравилось. Не только его пациенты, но и я нуждалась в нем. О чем он не догадывался...

Суббота, до вернисажа оставалось пять дней. Неправильно, конечно, закрывать галерею в субботу, но сегодняшняя суббота была особой – Идрис только что принес несколько своих полотен, – и я опустила жалюзи сразу после обе-

да. Картины в большинстве своем были огромными: Идрис нуждался в большой площади, в пустынности полотна, чтобы, нанося гуашь, выражать себя размашистыми мазками кисти, ладоней или пальцев. Ближайшие несколько часов мы должны были провести, прикидывая, как развесим работы, и продумывая дизайн выставочного пространства. Я любила эти минуты наедине с художником, когда я еще была единственной, кто видел его произведения и наблюдал за первым расставанием автора со своим детищем. Это всегда необыкновенно волнующе. Кто-то проживал такие моменты молча, почти отрешенно, кто-то выплескивал избыток эмоций, приходя в возбуждение, что иногда было трудно вынести. К моему крайнему удивлению, у Идриса все прошло спокойно, без признаков паники. Он даже вел себя достаточно активно, тогда как я побаивалась, как бы он не самоустранился, окаменев от маячившего перед ним вызова и давления, которое он сам на себя оказывал. Но все вышло наоборот, Идрис без колебаний возражал мне, если считал нужным. Он даже не сообразил, что я постепенно отошла в сторону, предоставив ему возможность действовать самому и только наблюдая за ним. Я была довольна, что он дает себе волю, распрямляет спину, обретает веру в себя. Идрис вел нескончаемый диалог с собой, а может, и со своими работами. Они защищали его от страхов и сомнений, и его творчество составляло единое целое с ним. И это было очень красиво. Внутренний голос нашептывал мне, что не стоит слишком привязываться ни

к нему, ни к его живописи, что в ближайшее время его откроет галерист или арт-дилер получше меня или по крайней мере имеющий больший, чем я, вес, возьмет под свое крыло и вознесет на вершины Олимпа. Мне же останутся удовлетворение и гордость за то, что именно я подставила ему плечо и помогла сделать первый шаг. Такое уже случилось, и не раз. Папа постоянно предостерегал меня: *Ава, дорогая моя, не привязывайся к художникам, они нам не принадлежат, и ты должна научиться отпускать их.*

– Ава? Все в порядке?

Я подняла голову, усталость делала печальные догадки особенно болезненными...

– Да, конечно! А что?

Он махнул рукой, указывая мне на пространство экспозиции.

– Как тебе?

Я прошла по своим владениям, оккупированным Идрисом. Результат впечатлял. Однако кое-что озадачило меня, а именно: пустой мольберт. Я обернулась к Идрису, который расплылся в широкой улыбке, у него был вид мастера, знающего себе цену, его как будто что-то забавляло, а такое с ним случилось крайне редко и потому привлекло мое изумленное внимание.

– В чем дело?

– Я хотел бы, чтобы ты посмотрела еще одну вещь... Я последовал твоему совету и написал картину. Мне бы услы-

шать твоё мнение... узнать, захочешь ли ты выставить её вместе с остальными.

– Ты разбудил моё любопытство! – У меня загорелись глаза.

В его взгляде я прочла и ожидание, и опасение, но ещё и искреннее удовольствие.

– Поставь её и скажи, когда будешь готов.

Я отошла к витрине и приготовилась ждать. Следя за оживленной в субботний полдень улицей, я отчетливо слышала, как он подходит к пустому мольберту, как тихонько шуршит полотном по деревянным планкам. Я догадывалась, что Идрис отступил на пару шагов, чтобы придирчиво проверить каждую деталь своего произведения.

– Теперь можешь подойти.

Я втянула побольше воздуха и повернулась. Его крупная фигура скрывала от меня значительную часть картины. Я медленно приблизилась к ним обоим и встала справа от него. Эстетическое потрясение соответствовало моему предвкушению. Идрис отказался от привычных холодных цветов в пользу теплых, линии стали более плавными. Это была самая прекрасная его картина, лучшее выражение его таланта и душевного состояния. В ней сквозили и ярость, и нежность. Он впервые открыто проявил свою внутреннюю противоречивость и создал нечто вроде аллегории страсти, любви и ненависти, перемешанных в едином мазке кисти. Матовая бархатистость гуаши потрясала. Я приблизилась, по-

буждаемая сильным желанием дотронуться до поверхности, как делаешь, когда хочешь погладить любимого человека, почувствовать под пальцами его кожу, но все-таки удержалась. Спиной я ощущала нетерпение Идриса, его неуверенность в моей реакции, тогда как сама я едва сдерживала слезы.

– Она... это же... не знаю, как сказать...

Мне не доставало слов, я повисла у него на шее и только так сумела выразить захлестнувшие меня эмоции.

– Потрясающе, Идрис. Представляю, как мне будет тяжело с ней расставаться.

– Она твоя.

Я резко отодвинулась.

– Ох... нет... Не могу принять такой подарок.

У меня защемило сердце от боли, которую я прочла на его лице: я не приняла его бесценный дар, а ведь он предложил мне частицу себя самого, своей души и, значит, почувствовал себя отвергнутым. Но я-то подразумевала нечто прямо противоположное.

– Ты меня неправильно понял, Идрис... Я не могу принять твой подарок из этических соображений, и в данном случае мне особенно трудно не нарушить эти принципы... Но я никогда не соглашусь с тем, чтобы выставлющийся у меня художник дарил мне свое произведение.

Стены нашего дома украшали только картины и скульптуры, которые я нашла на чужих выставках, у мастеров, ко-

торыми не занималась. Единственное исключение – Кармен, подарившая на нашу свадьбу одно из своих произведений, да и то она тогда сотрудничала с другой галереей.

– Я этого не знал... Я написал ее, потому что хотел поблагодарить тебя за поддержку, которую ты с таким пылом мне оказываешь.

– В качестве благодарности мне достаточно твоих последних слов. Без обид?

– Конечно...

– Я смогу любоваться твоей картиной, пока она останется здесь. И переговоры с покупателем будут самыми жесткими, не сомневайся.

Он немного расслабился.

– Если повезет, никто ею не заинтересуется, и она навсегда останется у тебя.

– Не болтай глупости! Она заслуживает того, чтобы обехать весь мир!

Он помотал головой, что означало «вот ерунда».

– День был долгим и насыщенным. Пора закругляться.

Я быстро собралась, и мы вышли на улицу.

– Ты что-то планировал на сегодняшний вечер? – поинтересовалась я, пока запирала дверь, а он ждал меня.

– Нет, ничего особенного, пойду домой и постараюсь не слишком паниковать.

Вообще-то одним гостем меньше, одним больше мало что меняло. К нам на ужин должна была прийти Кармен со своей

новой любовью, неким Тео. Я заранее предвкушала вечер в кругу друзей, первый после недавнего возвращения Ксавье, который не откажет себе в удовольствии подтрунить над нашей аргентинской подругой, усердно налаживающей личную жизнь.

– Поужинай с нами!

Он удивленно вытаращил глаза.

– Да ты что, как я могу вторгаться в ваше семейное застолье!

– У нас будут гости, и нам будет очень приятно, честное слово.

Тут высунула нос Идрисова робость, как если бы он прожил последние несколько часов в параллельном пространстве, после чего им вновь овладели привычные комплексы.

– Я не позволю тебе улизнуть, рассматривай это приглашение как тренировку перед вечером четверга!

Я была неприятно удивлена, застав дома только детей. Ксавье уехал в клинику. Потом я наткнулась на корзину, с утра принесенную с рынка моей троицей, немного поостыла и передумала убивать мужа по телефону. Но дозвониться все же попыталась – напомнить, что мы ждем сегодня гостей, и предупредить, что их будет на одного больше. Попав на автоответчик, я оставила сдержанное сообщение. Я спокойно хозяйничала на кухне с бокалом вина под звуки разносившейся по всему дому музыки. Планы не поменялись,

ужин пройдет прекрасно, а Ксавье вот-вот будет дома. Пока мое блюдо томилось на плите, я распахала валяющиеся вещи по шкафам, зажгла повсюду свечи и поторопила Пенелопу с Титуаном, чтобы они приняли душ и быстро-быстро съели пиццу. Главное, чтобы дети не путались под ногами. Я целый месяц прожила с ними одна и, понятное дело, мечтала о вечере в компании взрослых! Я едва успела переодеться и поправить макияж, как раздался звонок. Ксавье все еще не объявился. Я приветствовала Кармен и пресловутого Тео, которого сочла слишком пресным для нее. Он был одет с иголочки и напоминал сорокалетнего уверенного в себе менеджера. Я, пожалуй, готовилась к другому – ждала, что она, как обычно, притащит очередную оригинальную личность. Кого мы только не перевидали в ее компании...

– Ну, и где затаился зверь? – завопила лучшая подруга, врываясь в гостиную.

Они еще не встречались после его возвращения.

– В клинике.

Я обратилась к почетному гостю:

– Прошу его простить, Ксавье скоро придет.

– Ничего страшного, это же работа. Кармен говорила, что он только что вернулся после долгого отсутствия. Наверняка у него уйма дел.

Рыбак рыбака видит издалека.

– Точно. Но это не повод так задерживаться, – возразила я, лучезарно улыбнувшись.

Чуть позже к нам присоединился Идрис, он явился с огромным букетом и бутылкой шикарного вина.

— Не надо было все это приносить, у нас же простые дружеские посиделки.

— Мне самому приятно, к тому же мою картину ты отвергла, — он шутовски вздернул бровь.

Идрис вел себя непринужденно! Вечер обещал быть отличным. Если только мы дождемся моего мужа... За его опоздание, которое окончательно становилось невежливым, я извинилась и перед Идрисом. Пока мы пили аперитивы, я несколько раз отлучалась на кухню. Не столько для того, чтобы проверить, как там моястряпня, сколько для того, чтобы оставить Ксавье очередное сообщение и спросить, что он себе думает. Названивала я и по телефону клиники, но столь же безрезультатно. Все всё понимали. Кармен едва сдерживала приступы бурного хохота, ведь она хорошо знала Ксавье. Что до Идриса и Тео, они спокойно отнеслись к сложившейся ситуации и с любопытством приглядывались друг к другу. Для моего художника Тео, несомненно, был инопланетянином, едва ли не объектом социологического исследования. А Тео встреча с таким человеком, как Идрис, возможно, поможет лучше понять творческие завихрения его новой пассивности.

В конце концов мне пришлось позвать гостей к столу, хотя все трое уговаривали меня еще немного подождать.

– Если вы предпочитаете на ужин угольки, можно и подождать.

Мы сели за стол, передо мной зияло пустующее место, и всем нам сделалось неловко. А я представила себе, что такими были бы званые ужины, устраивай я их, когда он находился на другом конце планеты. За исключением одного маленького, но весьма важного нюанса: мне не было бы стыдно за его отсутствие.

Никто за всю историю дружеских застолий не расправлялся с закусками так тщательно и долго. Если Ксавье все же снизойдет до нас и осчастливит своим присутствием, мне придется очень постараться, чтобы удержать себя от убийства.

Я услышала грохот его мотоцикла, когда счищала крошки с блюда с закусками. Я постояла на кухне, уговаривая себя успокоиться. Открылась входная дверь, и раздался веселый голос Ксавье, умоляющий всех о прощении. Он тепло расцеловался с Кармен, которая успела его предупредить, что следует приготовиться к поджидающим его громам и молниям.

– Она на взводе!

Ксавье приснул. Затем представился Идрису и Тео и повторил свои более чем банальные извинения. Максимум предупредительности достался моему художнику, а Ксавье умел быть неотразимым.

– Мне очень, очень жаль, Идрис. Когда я прочел Авино сообщение о том, что ты придешь сегодня, я так ругал себя

за то, что согласился поехать на срочный вызов, но было уже поздно что-либо менять.

Благодаря своему умению изворачиваться, доброжелательности, шуткам и обаянию он вынудит всех простить его. Но я не позволю проделать это со мной! Чаша моего терпения переполнилась. Я заледенела, ощутив его руки на талии.

– Прости, Ава.

Он поцеловал меня в шею, я притворилась безразличной.

– Кажется, они не очень обиделись...

– Тем лучше для них.

Я высвободилась, подхватила кастрюлю и направилась в столовую. Ксавье открыл еще одну бутылку вина и наконец-то занял свое место за столом напротив меня. С этого момента он вел себя как идеальный хозяин, помогал мне на кухне и делал все, чтобы гости забыли о его более чем двухчасовом опоздании к ужину. Кармен постоянно толкала меня в бок локтем, призывая расслабиться. Я делала все, что могла, лишь бы не испортить гостям настроение, тем более что, следует признать, обстановка за столом была выше всяких похвал. Взрывы смеха и шутки шли чередой, все чувствовали себя непринужденно. Не считая меня. Я старательно избегала взглядов Ксавье, который столь же усердно пытался поймать мой взгляд и умаслить меня.

– Ты же его знаешь, он хочет все сделать, ничего не упустить, быть повсюду, причем одновременно, – шепнула мне на ухо Кармен.

Она обожала Ксавье и, что меня раздражало, всегда была к нему снисходительна. Он платил ей тем же.

– Конечно, знаю, – пожала я плечами.

Вывод: он никогда не бывает со мной весь целиком.

Гости засобирались, когда перевалило за час ночи. Идрис взволнованно поблагодарил меня за приглашение и за вечер.

– Ну вот, светская жизнь – это не так уж страшно, ты отлично справишься в четверг, – сказала я на прощание.

Он протянул руку Ксавье:

– Спасибо, было очень приятно с тобой познакомиться, Ава так часто говорит о тебе.

Муж одарил его самой дружеской улыбкой:

– Взаимно.

– Ты придешь на вернисаж? – спросил ни о чем не подозревающий Идрис.

– Ксавье уже давно не посещает никакие мероприятия галереи, – вмешалась я.

Пора ему перестать изображать идеального мужа. Как только закрылась входная дверь, я взялась за уборку и теперь срывала злость на посуде.

– Ты что, и впрямь обиделась? – удивленно поинтересовался Ксавье, придя ко мне на кухню.

Я не повернула головы, осталась стоять спиной к нему и сосредоточенно возилась с тарелками в раковине.

– Слушай, ну прости меня, это был срочный вызов к одной

дряхлой собаке, которой я когда-то помог появиться на свет. Ее хозяева жутко испугались.

Я резко крутанулась на пятках.

– А как же я, Ксавье? Я так ждала этого вечера с тобой. Стоит ли напоминать, что тебя не было целый месяц, что на мне были дети, все заботы и так далее! И вот ты дома, но я тебя почти не вижу. Мне это надоело, вот и все. Разве я не имею права быть недовольной?

Выражение его лица тут же стало замкнутым.

– Ава, успокойся, никто не просил тебя выкладываться по полной! И я делаю что могу, мне ведь приходится исправлять косяки моего подменщика, как тебе известно.

– А у меня через четыре дня важный вернисаж. И мне хотелось расслабиться, хорошо провести вечер с тобой, но ты об этом, судя по всему, просто забыл.

– Слушай, ты меня достала.

Он выскочил из кухни, подозвал свистом Месье и пошел с ним в сад. Наверняка они обошли весь квартал, потому что когда Ксавье открыл входную дверь, я уже лежала в постели. Ничего удивительного: я его хорошо знала. Он ненавидел выяснение отношений, препирательства, разговор на повышенных тонах, раздраженные голоса, слова, опережающие мысли. Ненавидел все, что делалось по горячим следам – от этого больше вреда, чем пользы, считал он. У него имелся собственный способ выхода из ссоры: он уходил в глухое молчание. Ждал, сколько нужно, пока мы оба успо-

коимся, и только потом заговаривал.

Следующие четыре дня мы вели себя так, как если бы этой дурацкой стычки не было и нам не в чем было упрекнуть друг друга. Мы все спустили на тормозах... Ксавье так и не понял, что мне нужна хотя бы минимальная поддержка перед важным вернисажем. Я предпочла бы, чтобы он сам пришел к этому выводу и уделил мне чуть больше внимания. Я не считала, что капризничаю. Вообще-то за пятнадцать лет нашей совместной жизни я так или иначе к этому привыкла. Позже, когда он снова будет контролировать ситуацию в лечебнице, я аккуратно донесу до него свою обиду. А пока у меня были другие первостепенные заботы, приближающаяся выставка оказывала мощное давление, которое лишало меня сна. Стресс нарастал, я сознавала, что не имею права на ошибку, и меня преследовало смутное предчувствие подстерегающей неприятности.

* * *

Утро четверга. Наступил день Д. Я плохо спала, меня мучило от волнения. Оставалось всего несколько часов. Пенелопа и Ксавье разговаривали, а я их не слушала. Титуан ел хлопья, но еще не проснулся окончательно, и заспанная мордашка сына помогла мне немного успокоиться и вызвала прилив нежности. Я ограничилась чашкой кофе, так как ку-

сок в горло не лез.

– Да что с тобой? – спросил Ксавье. – Ты не в своей тарелке.

Он что, издевается?!

– Да так, сегодня у меня небольшой стресс...

Сначала он недоуменно приподнял брови, а потом сконфуженно произнес:

– Ух ты, сегодня же вечером вернисяж! Извини, вылетело из головы.

У меня вырвался горький и грустный смешок, который я не сумела подавить, глаза защипало.

– Знаешь, это уже слишком...

– Ну прости, я не хотел...

– То-то и оно, что не хотел... А вот я все заранее уладила. Хлоя предупреждена, что у тебя много дел в клинике и ты будешь поздно, я попросила ее посидеть с детьми, сколько понадобится.

Ксавье было неловко, и не без оснований. Доедая завтрак, он нервно крутил обручальное кольцо на безымянном пальце, что было у него несомненным признаком досады. Покончив с завтраком, он смущенно посмотрел на часы, развел руками, извинился за то, что ему пора на работу, и встал из-за стола. Поцеловал детей в лоб, меня в губы, пожелал нам хорошего дня и вышел в прихожую. Я поднялась, последовала за ним и терпеливо дожидалась, пока он наденет кожаную куртку, спрячет бумажник во внутренний карман и подни-

мет лежащий на полу шлем. Ксавье открыл дверь и, перед тем как переступить порог, обернулся ко мне.

– Я уверен, все пройдет отлично, у вас с Идрисом получился прекрасный тандем.

На мгновение я заколебалась, не пришло ли время вскрыть нарыв. Но не дело выяснять отношения, когда рядом дети. На столике лежали мотоциклетные перчатки: если он забыл их, значит, действительно очень озабочен ситуацией в клинике. Я взяла их, подошла и протянула ему. Он робко поцеловал меня.

– Не беспокойся из-за сегодняшнего вечера, – прошептал он. – Ты лучшая. И прости, что забыл...

Он повернулся ко мне спиной и вышел. Хлопнула дверь, взревел мотоцикл, Ксавье умчался на бешеной скорости. Я сжала кулаки, чтобы не поддаться возмущению и грусти.

– Мама, все в порядке?

Я вздрогнула, услышав голос Пенелопы.

– Да, зайчик. Все хорошо! Заканчивай собираться!

Часы до начала вернисажа я провела как в тумане. Мне повезло, что нужно было сосредоточиться на последних приготовлениях, например, принять заказанное вино и закуски, накрыть шведский стол, проверить, все ли лампы работают, отрегулировать освещение, чтобы картины смотрелись идеально. Я была в непрерывном движении, и заботы меня спасали. Однако прогнать мысли о Ксавье было довольно труд-

но, они все время возвращались. Тысячу раз я бралась за телефон, собираясь позвонить ему или отправить сообщение. Мне хотелось, чтобы он пришел сегодня вечером, ободрил меня... Но не могла же я заставлять его. Какой толк, если он придет по моей просьбе. Когда-то давно, много лет назад, он регулярно заявлялся в галерею, чтобы повидаться со мной или экспромтом позвать пообедать, – тогда он ни за что не пропустил бы вечеринку или вернисаж. Повседневная рутина, мой сорок один год, его сорок пять не пощадили нас... Вот такие мимолетные соображения осаждали меня, пока я изо всех сил притворялась, что все в порядке, чтобы успокоить Идриса, который проваливался в стресс на головокружительной скорости. Мое бессилие вынудило меня отодвинуть в сторону собственные проблемы, отложить мобильный телефон и сконцентрироваться на работе. Нужно по крайней мере не провалить этот вечер и никого не разочаровать.

В половине седьмого, когда напряжение достигло пика, я заперлась у себя в кабинете, собираясь чуть-чуть передохнуть и надеть свое счастливое маленькое черное платье, в котором я всегда была на самых важных вернисажах. Его мне подарил Ксавье два года назад. В комнату постучали, когда я заканчивала краситься. По знакомому ритму ударов я узнала отца. Я его, как всегда, пригласила, и он, естественно, ни за что не пропустил бы такое событие. Мне было приятно после перерыва опять выступить в паре с ним, пусть это и

продлится недолго и пусть мне придется притворяться, чтобы он не догадался о моем плачевном моральном состоянии.

– Заходи.

Он вошел и закрыл за собой дверь. Папа в своей элегантной тройке, с безупречно уложенными белоснежными волосами и глубокими морщинами, разрезавшими щеки, был великолепен, и я заулыбалась и сразу успокоилась. Он всегда обладал неким старомодным шиком, который идеально подходил ему. Дедово наследство. С возрастом на папином лице явственнее проступали черты его собственного отца. Сколько раз я закатывала глаза, слыша от подруг, что мой отец необыкновенно красив!

– Здравствуй, папа.

– Здравствуй, милая.

Он поцеловал меня в лоб и отошел на несколько шагов, чтобы оценить мой вид.

– Ты сегодня очень хороша.

Я благодарно просияла.

– Но бледная. Это тебя так загонял твой юный гений? Я встретил его, он расхаживает перед входом и, если не прекратит, к приходу гостей сотрет подошвы до дыр.

– Удивительно, что он вообще явился, – хихикнула я. – Если вернисаж закончится провалом, то только из-за его неуверенности в себе.

– А может, его робость сыграет ему на руку.

Папа был прав.

– Я бы дорого дал за то, чтобы заняться им. А ты имеешь полное право гордиться, он – твое самое большое открытие.

Меня тронул его комплимент, и я быстро отвернулась, чтобы отец не заметил моего волнения. У меня и впрямь нервы на пределе.

– Идем, папа, – пригласила я, взяв себя в руки.

Глава четвертая

Свою задачу я выполнила: мне удалось пробудить любопытство публики, разыграв карту загадочности самого Идриса и оригинальности его таланта. То есть превратила его робость из недостатка в козырь. Предупредила, что он появится лишь ненадолго. И нужно воспользоваться этой редкой возможностью, чтобы познакомиться с ним, пока он не сбежал в свою мастерскую. Ожидание встречи с таинственным художником-затворником плюс давно сложившаяся репутация галереи сделали свое дело. Я представила своего автора и его творческий путь, описала нашу встречу и попросила Идриса сказать пару слов о его произведениях и используемой технике. В ответ он услышал от коллег, коллекционеров-профессионалов и любителей, похвалы, искренность которых не вызывала сомнений. Сначала они заставляли его краснеть, а потом помогли расслабиться. Первые переговоры по ценам были более чем удовлетворительными. В толпе мелькали и те, кого я не приглашала. За это надо было благодарить отца, который использовал свои связи – позвал представителей старой гвардии, сохранившей влияние в мире искусства, – а также Кармен, чьи многочисленные контакты успешно сработали на рост котировок Идриса. Вечер был несомненно успешным и обещал затянуться надолго. А это добрый знак: Идрис будет ассоциироваться с теплой ат-

мосферой приема, у людей сохраняются приятные воспоминания, они будут чаще думать о его картинах, и им захочется еще раз погрузиться в живописный мир, с которым они познакомились на вернисаже. Гости не торопились расходиться, разговоры, звучавшие сначала вполголоса, постепенно делались громче. Я наслаждалась шампанским, и наконец-то мне тоже удалось расслабиться. Словом, я блаженствовала.

Шипучий напиток и успех вернисажа оглушили меня, и я обрела надежду. Напряжение в наших с Ксавье отношениях не имеет под собой оснований, и значит, еще немного – и оно спадет. Мы будем нормально воспринимать происходящее, простим друг друга, подарим себе романтические каникулы и проведем их как молодые влюбленные. Начнем уже в эти выходные, мне говорили о концерте в Опере с участием известного скрипача. Я попрошу папу побыть с детьми, чтобы мы могли уехать куда-нибудь вдвоем на несколько дней. Когда мы в последний раз оставались в закрытом на ключ номере отеля, наслаждаясь друг другом и обсуждая в перерывах мировые проблемы?

Неожиданно меня озадачило мрачное лицо Кармен. Я разговаривала с кем-то из гостей и замолчала на полуслове, переключив внимание на нее. Она выходила из моего кабинета – интересно, что ей там понадобилось? – и явно кого-то искала. Странно. Ее взгляд ненадолго остановился на мне,

глаза расширились, после чего снова принялись прочесывать галерею. Она прошла по залу, расталкивая всех, кто попался на пути. Задержалась возле отца, отвела его в сторону, и я поняла, хоть папа и стоял ко мне спиной, что он напрягся. Он тоже принялся озираться, Кармен зашептала что-то ему на ухо, он обернулся, заметил меня и быстро зашагал ко мне. При этом он не отрывал от меня глаз. Я окончательно прервала разговор. Подойдя ко мне, отец властно схватил меня за руку и притянул к себе.

– Пошли в твой кабинет.

– Зачем? Что происходит?

– Не здесь.

Я резко высвободила руку, и тут к нам присоединилась Кармен.

– Делай как велит Жорж, пожалуйста. – Ее голос звучал умоляюще.

– Вы меня пугаете.

Отец быстро переводил взгляд – туда-сюда, направо, налево, опять направо, словно искал, куда бы сбежать, но не находил.

– Ксавье...

За четверть секунды галерея для меня опустела. Вернисаж растворился в дымном облаке, и я видела и слышала только растерянность моего отца.

– Он попал в аварию.

Окружающее пространство завертелось на огромной ско-

рости, и только благодаря сильным рукам лучшей подруги я не упала.

– Врачи скорой пытались с тобой связаться, но ты где-то оставила мобильный... Они нашли номер галереи, я услышала, что у тебя в кабинете без умолку звонит телефон, и зашла...

– Где он?

Я поперхнулась собственным воплем.

– Его увезла скорая, неизвестно, в каком он состоянии, Ава.

Я превратилась в дикого зверя, в раненое животное, готовое кусаться и нападать. Лишь чудом сохранившийся малый проблеск разума не позволил мне застонать от боли. Я оттолкнула отца, Кармен, Идриса, который, похоже, догадался, что случилось что-то нехорошее, я расталкивала всех, кто вставал на моем пути. В моем воображении вспышками всплывало тело Ксавье, распластавшееся по земле, я представляла себе худшее, но при этом у меня не получалось поверить в происходящее. Я влетела в кабинет, схватила сумку и телефон, забитый пропущенными звонками. Запретила себе кричать. Нашла пальто отца и стала рыться в карманах. Естественно, все трое последовали за мной.

– Папа, дай мне ключи от машины!

Фраза прозвучала как приказ, я сама не узнала свой голос.

– И речи быть не может! Ты не сядешь за руль в таком состоянии!

– Я должна быть с ним, мне надо увидеть Ксавье! – заорала я.

– Я отвезу тебя, – вмешалась Кармен.

– Ладно, но поторопись!

Я уже летела к выходу. В дверях я вспомнила о галерее, о вернисаже и обернулась. Передо мной возникло обеспокоенное лицо Идриса, затем растерянный отец подошел ко мне, обнял и изо всех сил прижал к себе.

– Я займусь здесь всем, закрою галерею и поеду к детям.

От упоминания детей у меня перехватило дыхание. Маленькие мои... Я задрожала.

– Будь сильной, моя дорогая... А о них не беспокойся.

– Папа...

Это был крик о помощи, просьба сделать так, чтобы я снова стала маленькой девочкой, которую папа утешит и избавит от большой печали.

– Поезжай к нему.

Кармен схватила мою руку, крепко стиснула, и мы помчались по улице. Не замедляя хода, слетели по лестнице подземной парковки. Когда мы добрались до нужного уровня, Кармен принялась яростно жать на брелок, пока не сработал сигнал нашей машины. Я уселась поудобнее – совершенно неуместное удобство, мелькнула мысль, – и меня пробил неконтролируемая дрожь. Нутро заледенело, я окаменела от страха и не могла рассуждать разумно. Я ловила на себе перепуганные взгляды Кармен. Не знаю, как ей это удалось, но

меньше чем через десять минут она затормозила перед входом в отделение скорой помощи.

– Я только поставлю машину и тут же приду. Ты попробуешь одна совсем недолго, Аванита.

Я выскочила из машины, не потрудившись захлопнуть дверцу. На мгновение все вокруг закружилось – гудки сирен, мелькание проблесковых маячков, стук носилок, – и мне захотелось уснуть, потерять сознание. Я подумала, что не готова встретиться с тем, что меня ожидает, мне просто не хватит сил. Ксавье не мог попасть в аварию. Завтра утром, когда этот кошмар закончится, я проснусь в его объятиях, прижавшись к его теплой груди, под стук его сердца, встречу свет его изумрудных глаз, услышу его смех, почувствую запах.

– Ава! – позвала Кармен, высунувшись в окно машины. – Ты что застыла?

Новый разряд электрошокера. Я вошла в автоматически открывшиеся двери. Сбитая с толку, растерянная, обратилась к медсестре на стойке, и мне пришлось несколько раз повторять одно и то же, чтобы она меня поняла. Когда я наконец-то сумела внятно сказать, кто я такая, она в ответ попросила меня подождать. Я уставилась на сестру, которая упорно изучала свой стол, пока звонила по разным номерам, стараясь уклониться от любого зрительного контакта со мной. Вскоре ко мне присоединилась Кармен.

– Ну и?..

Тут я услышала свою фамилию и обернулась: в коридоре

появился врач, который сделал знак следовать за ним. Я подчинилась, Кармен не отставала от нас.

– Скажите, я могу увидеть своего мужа? – спросила я, как только мы вошли в кабинет.

Врач даже не успел сесть за свой стол.

– Присядьте, мадам.

– Нет! Скажите, как он?! Где он?

– Ваш муж попал в аварию на мотоцикле.

– Это мне известно! Иначе зачем бы я была здесь?!

Кармен подошла, предельно осторожно положила ладони мне на плечи и мягко заставила сесть.

– Выслушай его, Ава, прошу тебя.

Я подчинилась. Разве был у меня другой выход? Моя жизнь была в руках этого врача, она целиком зависела от слов, которые он сейчас произнесет. Я пристально посмотрела на него – пусть поймет, что я готова. Мотоцикл занесло, когда Ксавье резко свернул, чтобы не сбить велосипедиста. Сам он упал, мотоцикл протащил его по асфальту несколько метров, после чего врезался в колеса автомобиля. Ногу, зажатую цилиндром, раздавило, головой он ударился о руль и дорожное покрытие и долго находился без сознания. Удар приняла на себя вся левая сторона тела. У него множество переломов, в том числе открытых, ожогов, травма черепа, травмы органов брюшной полости тоже не исключались. В разговоре со мной врач использовал профессиональные медицинские термины, и я ничего не понимала. Кроме серьез-

ности состояния Ксавье. Требовались срочные меры, чтобы помочь ему и спасти ногу. Пока мужчина в белом халате говорил со мной, моего мужа готовили к операции. Я не скоро смогу его увидеть и напомнить, что люблю. Не сумею ни поцеловать, ни ободрить.

Он наверняка так страдает, что я бы предпочла забрать себе все его раны. Пусть мне было бы больно вместо него.

Я встала и судорожно стянула полы пальто. Нужно защититься, закутаться во что-то, что убережет меня, убережет нас, сделать этот простой жест, чтобы спрятать от беды и Ксавье, как будто тем самым я обвивала его руками, заботилась о нем.

– Где я могу подождать новостей?

– Слишком долго ждать. Возвращайтесь домой, вам позвонят, когда его переведут из операционной.

Я едва не расхохоталась в лицо врачу. Как ему могло взбрести на ум, что я брошу Ксавье одного? Если к нему не пускают, мне остается только быть где-нибудь здесь, как можно ближе к нему.

– Где я могу устроиться, доктор? – не отставала я.

Он проводил нас в зал ожидания отделения скорой помощи, где обстановка была гораздо спокойнее, чем в других местах. Сколько это продлится? Я села и уставилась в воображаемую точку на стене.

– Кармен, ты не обязана торчать тут со мной.

– Издеваешься?

Она рассматривала меня так изумленно, как если бы у меня во лбу раскрылся третий глаз.

– Твой зверь точно выкарабкается, он очень сильный, – мягко произнесла она.

– Конечно, выкарабкается, – вскинулась я.

– Хочешь чего-нибудь? Кофе? Воды?

– Нет... ничего не надо... хотя да. Можешь позвонить моему отцу и все ему сообщить? – охрипшим голосом попросила я.

– Конечно, сделаю. Ты уверена, что я могу оставить тебя одну?

– Все будет в порядке, обещаю...

Она умчалась.

Я сфокусировалась на главном: Ксавье жив. Искалечен, изранен, мучается, но – жив. Он выдержит сегодняшнюю операцию, у него нет другого выхода. Я его знаю, он будет сражаться – ради Пенелопы и Титуана, ради меня. Он понимает, что не имеет права уйти от нас. Я мысленно заставила его пообещать мне это. Будет нечестно бросить меня одну, без него. Я не могу его потерять. Это исключено. Он любовь всей моей жизни, отец моих детей. Ему нельзя исчезнуть с лица земли. Миру будет без него плохо. Он нужен нам, чтобы жить. И ради него, ради детей я буду сильной, не позволю сломить себя. Как и у него, у меня тоже нет выбора. Я подключу все свои резервы, извлеку их из самых глубин души

и тела, чтобы удержать семью на плаву. Я ни с кем не буду делиться своими страхами, я лишу их права голоса. А ведь страхов, как ни крути, много. В каком состоянии он придет к нам? Сможет ли полностью восстановиться? Станет ли мой муж однажды тем же, кем был до сих пор? И как все это случилось? Где? Я ведь совсем ничего не знала. Что это за авария? И почему он, всегда такой осторожный, попал в нее? Он обязательно вернется к жизни из операционного блока, иное немыслимо. Потому что иначе я потеряю его навсегда, не успев повторить, что люблю больше всего на свете. Зачем мы в последние дни доставали друг друга? Для чего? Обычно говорят, что нужна какая-то драма, чья-то смерть, чтобы понять ценность простых вещей, ценность жизни. Что за идиотизм! Почему никто не напоминает нам об этой ценности пораньше? Почему наши мелкие, выеденного яйца не стоящие проблемы и повседневные заморочки всегда оказываются важнее всего остального? Мне нужно столько всего ему сказать.

Любимый мой, почему я никогда не говорила тебе этих слов – «любимый мой»? У меня нет ответа, но теперь пора начать их произносить. Я нутром ощущаю точность этих слов – их заслуживаешь ты и только ты. Любимый мой, сражайся, бейся изо всех сил. Я здесь, рядом с тобой, я целую тебя, держу за руку, сжимаю ее так сильно, как только могу. Вспомни наши любовные клятвы, вспомни наших детей. Я не хочу

тебя потерять, я не могу тебя потерять. Я ничто без тебя. Представь себе, как много всего нам еще остается прожить вместе...

Появление Кармен, протянувшей мне картонный стаканчик с кофе – к которому я не притронулась, оставив на соседнем стуле, – помогло справиться с подстерегающим меня безумием. С каждым убегающим мгновением внутри что-то умирало. Кармен укутала меня в большой шарф, но я ничуть не согрелась. Она села рядом, взяла в свою руку обе мои ладони, которые лежали, скрюченные, у меня на коленях, и не произнесла ни слова, уважая мое молчание.

Что до меня, открой я рот, я тут же рухнула бы...

Я регулярно смотрела на часы – они висели напротив, на дальней стене, – и проверяла, сколько я уже жду, но все равно потеряла счет времени. Оно растягивалось, расплывалось и переставало существовать. Постукивание стрелок было, наверное, совсем тихим, едва угадывалось. Тем не менее мозг отчетливо различал слабые щелчки, отсчитывающие секунды. Они эхом отдавались в черепе, и я непрерывно слышала их. Часы, которые составили мне немного странную компанию, нашептывая свое тик-так, показывали, что уже перевалило за полночь, однако их информация была лишена для меня малейшего смысла. С тем же успехом могло быть два или три часа ночи. Я молилась богу, в которого вдруг

поверила. О Ксавье ничего не сообщали. Кармен регулярно справлялась у стойки вместо меня, и я слышала, как всякий раз ей отвечают: «Вас проинформируют, как только будет что-то новое». Слыша это, я ощущала, как мои зубы впи-ваются изнутри в щеки, чтобы не дать вырваться крику, не завопить – разве можно так долго тянуть. Я была наглухо закрыта для окружающей действительности, и беды тех, кто посреди ночи обращается в отделение скорой помощи, для меня не существовали. Я, конечно, видела этих людей; мой взгляд, наверняка ничего не выражающий, останавливался на них; я знала, что им плохо, больно, трудно – по ночам в такое отделение без крайней нужды не приходят. Быть может, я чудовище, но я ничего не чувствовала. Разве что безразличие. Все, кто сидел рядом со мной, могли сдохнуть, меня это не касалось, мои мысли занимал только мой любимый, терзаемый болью. Я перестала быть собой и осознавала это.

Громкие голоса вырвали меня из мучительного оцепенения. В зал ворвался мужчина, который вел себя как буйнопомешанный, непрерывно спрашивал, где его жена, требовал немедленно проводить к ней или хотя бы сообщить, в каком она состоянии. Да, его поведение было гораздо грубее моего, но по сути мало чем отличалось, примерно так же реагировала и я, когда пришла сюда. Появился доктор, который выходил ко мне не так давно, и я едва не вскочила с места, но он обратился не ко мне. Все снова рассыпалось. Я опять переместилась в другой мир, туда, где все вращалось вокруг

Ксавье.

Пятнадцать минут спустя, а может, гораздо позже или раньше, мужской голос пробормотал: «Добрый вечер», – на что и я, и Кармен автоматически ответили. Но я все же выплыла из своих мыслей, чтобы понять, с кем здороваюсь. Увиденное показалось мне абсолютно несуразным. Мужчина в безупречном, хотя и слегка помятом смокинге, с криво болтающимся на шее развязавшимся галстуком-бабочкой со всего размаха швырнул черное пальто на первый попавшийся стул и принялся расхаживать, свирепо ероша волосы. Забыв о своем невменяемом состоянии, я обменялась с Кармен озадаченными взглядами. В другой ситуации я бы ему посочувствовала, поскольку было очевидно, что его гложет страх, но сейчас собственные ужас и гнев не давали мне обращать внимание на кого-то еще. Тем не менее я сдерживалась, хотя никто не представлял себе, чего это мне стоило, а он выставлал свои эмоции напоказ, демонстрировал всем свою тревогу, не задумываясь о том, как это может подействовать на других. Если он продолжит, то заразит и меня. А я не могла позволить себе сорваться, еще чуть-чуть, и никто и ничто меня не удержит, я начну крушить все вокруг. Стоит лишь панике, сдерживаемой из последних сил, вырваться наружу, и я буду рассыпать удары направо и налево, орать так, что весь этаж оглохнет.

– Извините, месье, не могли бы вы не метаться, как лев в

клетке? Я очень вас прошу.

Собственная способность нормально и даже вежливо разговаривать удивила меня, настолько она не соответствовала моему душевному состоянию. Я больше себя не узнавала, во всяком случае, не узнавала ту, кем я стала за этот последний отрезок ночи. Мужчина застыл на месте: похоже, только тут до него дошло, что он не один. Его глаза остановились на мне, они были такими же черными и ввалившимися, как мои. Горевший в них звериный огонь поразил меня, поскольку я догадалась, что такой же огонь горит и в моих. Он был моим зеркалом. А мы с ним – двумя ранеными животными. Вот кем мы оба были.

– Извините, мне сложно себя контролировать.

– Я понимаю... но тут у нас у всех нервы на пределе...

Он поднял руки вверх, показывая, что сдается, и сел в кресло, стоявшее за его спиной, прямо напротив меня. У него дергались ноги, он не мог усидеть на месте. Как и замолчать, впрочем.

– Вы здесь уже давно? – спросил он.

– Понятия не имею... Может, три, может, четыре часа, я перестала следить. Жду сведений о муже, он в операционной.

Зачем я ему это рассказываю? Наверное, проще делиться с посторонним человеком, столь же напуганным, как и я? Или чужая беда притягивает твою собственную?

– Сопереживаю и ему, и вам... Мою жену тоже сейчас опе-

рируют... Она ехала на велосипеде, и ее сбил мотоциклист.

Сидящая рядом со мной Кармен напряглась. Меня замутило.

– Черт побери! – подхватился он. – Если я до него доберусь...

Его налитые кровью глаза гипнотизировали и пугали меня, он мечтал уничтожить того, чьей жертвой стала его жена, и был готов на все. Но тут он заподозрил, что зашел слишком далеко, и сел так же быстро, как вскочил.

– Простите меня, что-то я забываю о правилах приличия.

– Да пожалуйста, – с трудом выдавила я, борясь с очередным приступом тошноты и заставляя себя дышать спокойно и размеренно.

– А вы? Ну то есть... ваш муж, что с ним?

– Он...

Кармен ткнула меня локтем в бок, но это меня не оставило. Мной завладело непреодолимое желание защитить Ксавье.

– Он был на мотоцикле, хотел объехать велосипедиста и угодил под колеса автомобиля.

По мере того как информация пробивалась к его сознанию, мужчина распрямлял спину.

– Это такая неудачная шутка? – пробормотал он.

Наши удрученные и одновременно возмущенные взгляды встретились. Мы бросали друг другу вызов, несмотря на то, что в некотором смысле разделяли одну и ту же боль. Уста-

вившись на него в упор, я откинулась назад и оперлась затылком о стенку за спиной. Я была в смятении. Силу мне придавали лишь моя слабость и мои муки.

– Мы с вами по одну сторону баррикад, – примирительно возразила я.

В коридоре произнесли мою фамилию. Сигнал окончания этого вневременного куска жизни, подвешенного в ирреальном измерении. Очень грубый сигнал, как я вдруг поняла. Я поднялась и двинулась в направлении позвавшего меня голоса. Перед тем как выйти из комнаты, я обратилась к мужчине в последний раз:

– Надеюсь, ваша жена выберется без особых последствий.

Он резко вскочил, подошел ко мне и испепелил взглядом.

– Хотел бы я вести себя как отзывчивый человек, но это выше моих сил... Поэтому я не сумею пожелать, чтобы ваш муж выкарабкался невредимым.

Кармен потянула меня за руку.

– Оставь этого типа вместе с его ненавистью.

– Я его понимаю, возможно, я бы реагировала так же, – ответила я.

Агрессивность этого человека не трогала меня. На самом деле мне было на нее плевать.

Я забыла наш обмен репликами, этого мужчину и его жену, как только увидела ожидающего меня в коридоре врача. Кармен меня поддерживала, напрягая руки все сильнее по

мере того, как сокращалось расстояние между нами и врачом и приближались те новости, которых я так ждала, но при этом так боялась.

– Операция прошла успешно...

Я пошатнулась. Ксавье жив. Жив. Его сердце бьется. Он жив. Я не потеряю его. Он услышал мою мольбу. Мое чувство нельзя было назвать облегчением, оно было гораздо глубже. Мощнее, разрушительнее, оно сметало все остальные. Теперь, когда я узнала, что он живет, я могла бы свалиться, уснуть, исчезнуть.

– Он в послеоперационной палате. Он слаб, даже очень слаб, потерял много крови. И до конца еще очень далеко. Мы поговорим об этом подробнее завтра.

– Вы пустите меня к нему?

– Нет, не этой ночью. Завтра. А пока идите поспите. Вы все равно ничего не можете сделать.

– Я очень вас прошу... Позвольте мне, я только немного постою в дверях... просто чтобы он знал...

– Простите, но нет.

Колени у меня подогнулись, и Кармен в очередной раз не дала мне упасть.

Обратная дорога прошла в соборной тишине. Я быстро теряла силы, но мне было необходимо продержаться до тех пор, пока я не останусь одна. Я отперла дверь дома и наткнулась на растянувшегося у порога Месье, очень спокойного,

абсолютно спокойного, слишком спокойного. Он лениво постучал хвостом по плиткам пола, потянулся мордой к моей руке и мягко лизнул ее. Я ласково потрепала его по загривку. Шестое чувство нашего пса немного ободрило меня, я двинулась навстречу вышедшему в прихожую отцу и, не дав ему заговорить, спросила:

– Как дети?

– В конце концов уснули. Мне пришлось им объяснить...

Но я их успокоил, как мог.

– Знаю, папа. Спасибо.

– Ты проголодалась? Выпить хочешь? – предложила Кармен.

Я покачала головой и сняла пальто. Повесила его на плечики у входа и ухватилась на мгновение за вешалку, чтобы не упасть.

– Пойду посплю или хотя бы полежу... А вы оба поезжайте домой.

Я поставила ногу на первую ступеньку лестницы. Папа подошел ко мне и погладил по щеке, как он это делал, когда я была маленькой и болела.

– Отвезу Кармен и вернусь. Даже не пытайся мне запретить.

Я не сопротивлялась. Не было сил. Бесполезно. Я грустно улыбнулась лучшей подруге.

– Спасибо, что посидела со мной в больнице...

Она обняла меня и прошептала на ухо, что утром сразу же

приедет ко мне. Не думая больше о папе с Кармен, я поднялась к детям и сначала зашла к Пенелопе, которая спала, закутавшись в одеяло, словно хотела защититься. Я откинула волосы с ее лба и поцеловала. Титуан изо всех сил сжимал в руках парочку плюшевых зверьков, я и его поцеловала в лоб и оставила спокойно спать. Пока они спят, реальность их щадит.

Пора идти в спальню, нельзя и дальше откладывать, нужно когда-то решиться. Наша спальня без него, вот моя новая жизнь. Предполагалось, что я останусь в ней одна только через год, когда он опять уедет в Африку. Это несправедливо. Я не стала включать свет и присела на край кровати, с моей стороны, рука потянулась за спину, желая дотронуться до Ксавье, нащупать пальцами его кожу, но наткнулась на пустоту. Я долго-долго сидела, не шевелясь, мне так хотелось поговорить с ним, увидеть его, коснуться. И это было гораздо больше, чем просто желание, это была нутряная потребность. Мой живот, кишки, сердце сжимались, требуя ответа на эту потребность, столь же естественную и необходимую для жизни, как дыхание. Без него я была совсем потерянной, одинокой и в глубине души осознавала, что это надолго. Отец, друзья, абсолютно все будут со мной, в этом я не сомневалась, но четко понимала, что вступаю в период такого одиночества, когда никому не по силам заполнить образовавшуюся пустоту. Я легла на место Ксавье, натянула простыню, смяла в руках его подушку и уткнулась в нее но-

сом, чтобы напиться его запахом. И не стала сдерживать слезы, подпустила их к глазам и дала пролиться. Отныне наша постель станет единственным местом, где я буду им это позволять. Много часов подряд я ждала возможности избавиться от придавившего меня груза рыданий. Но мне не становилось легче, слезы текли и обжигали, напоминали о реальности событий сегодняшнего вечера, о том, что Ксавье действительно лежит на больничной койке с искалеченным телом и его мучает боль.

Дети не имели ни малейшего представления об истинном состоянии отца, и завтра мне нужно будет описать им ситуацию, подбодрить их, как-то успокоить, сделать все, чтобы эта авария поскорее превратилась для них в плохое воспоминание. Но возможно ли это?

На рассвете дверь спальни осторожно приоткрылась. Пенелопа держала за руку младшего брата.

– Мама спит? – прошептал он.

Я вытерла мокрые щеки и приподнялась.

– Я уже проснулась, идите ко мне.

Я не спала всю ночь. Хотя дорого бы дала, чтобы расслабиться, забыть обо всем, пусть и ненадолго. Я приподняла одеяло, дети улеглись по обе стороны, и я прижала их к себе.

– А папа где?

Сын не дал мне и секундной передышки. Их перепуганные лица были повернуты ко мне, как сканирующие радары,

которым не мешала царящая в комнате полутьма. Я не могла им соврать.

– Он в больнице, Титуан, любимый.

– Ты была у него? – забеспокоилась Пенелопа.

– Нет... сегодня буду, скорее всего.

– Можно мы пойдем с тобой?

– Нет, не получится. Сначала я должна пойти одна, чтобы поговорить с докторами и папой... К тому же, знаете, он очень сильно устал, нужно дать ему отдохнуть.

– Все серьезно, мама?

Я обняла их еще крепче.

– Не знаю...

Можно заранее представить себе многие сложности, с которыми столкнешься в жизни, но нельзя предугадать вопрос ребенка: «Папа умрет?» или «С папой что-то серьезное?». Как реагировать на панику и отчаяние своих детей? Как их успокоить, если и самой до спокойствия далеко? И если его, возможно, уже больше никогда не будет. Я всегда клялась себе, что не стану обманывать детей. Всего несколько минут назад я обещала себе, что даже не стану ничего приукрашивать. Но как еще я могу поступить, чтобы защитить их? И какой вариант хуже для них? Узнать, что я скрыла правду о состоянии Ксавье, или встретиться лицом к лицу с реальностью? Я не успевала выбрать правильный ответ. К таким вопросам нужно готовиться заранее, когда все хорошо. Задать их себе. Позволить мрачным мыслям нахлынуть, вы-

строить стратегию на случай трагедии. Предусмотреть любое возможное развитие событий. Продумать свою реакцию на детские вопросы. Определить, как действовать наилучшим образом в наихудшей ситуации.

Я позволила материнскому инстинкту победить доводы разума. По очереди поцеловала детей, крепко прижимаясь губами к их еще теплой со сна коже.

– Бегите одевайтесь. Дедушка ночевал у нас, мы все вместе позавтракаем, и я отведу вас в школу.

– Мы не хотим туда идти, – заявила Пенелопа. – Мы хотим остаться с тобой.

Я села и оперлась затылком о спинку кровати. Они подползли ближе и вцепились в меня, продолжая смотреть в упор.

– Вам будет лучше с друзьями, чем здесь. Я точно весь день проведу в больнице. Обещаю: вечером, когда мы все соберемся, я вам расскажу, как там папа.

Глава пятая

Я задержалась в школе и коллеже, чтобы описать ситуацию учителям и попросить их быть помягче с моими детьми. Дома меня ждал торжественный прием: папа никуда не ушел, велосипед Кармен валялся на газоне у дома. А я так хотела побыть одна. Чтобы никто на меня не давил, чтобы мне не казалось, что за меня все решают и относятся ко мне как ко второй жертве аварии. Придется выработать четкие правила общения. Но откуда взять силы, чтобы заговорить с ними и все разъяснить? Лучшая подруга набросилась на меня, стоило перешагнуть порог.

– Ава! Новости есть? Я еду с тобой сегодня!

Я больше не живу у себя дома – он теперь дом для всех. Двери к Аве и Ксавье нараспашку, заходи кто хочешь. Месье реагировал красноречиво – нервно метался по дому, ничего не понимая. А вот Мадемуазель охраняла свою территорию с высоты лестничной площадки: зрачки сузились от злости, шерсть вздыбилась, еще немного – и зашипит, уж я-то ее знаю. Как по ней, так слишком много чужих, и хозяина почему-то нет.

– Ты позволишь мне войти? Спасибо.

Кармен отступила, я направилась напрямиком на кухню, где наткнулась на Идриса, который тоже пришел. Его забота меня тронула, как и его смущение из-за вторжения, но мне бы-

ло не до вежливых расшаркиваний. Я налила кофе и стала мысленно готовиться к противостоянию. Когда я обернулась к ним, все трое покорно ждали, сгруппировавшись вокруг стола.

– Придется установить распорядок на ближайшие дни... Я размышляла об этом ночью.

– Мы тебя слушаем. Чем мы можем помочь? – спросила Кармен.

Я провела рукой по своему усталому лицу в поисках энергии, необходимой для того, чтобы все ясно изложить и чтобы они поняли, чего я от них жду. И дать отпор их возражениям, если понадобится.

– Папа, отправляйся домой, отдохни, переоденься, – ласково попросила я.

Меньше чем за сутки его вчерашняя тройка утратила свой гордый вид.

– И дальше делай, что сможешь, в галерее, я сегодня туда не попаду.

– Положись на меня, дорогая.

Я повернулась к Идрису.

– Извини, что бросаю тебя неизвестно на сколько. Жорж посодействует тебе в переговорах с потенциальными покупателями, ведь многие проявили большой интерес к твоим работам.

– Не беспокойся обо мне, лучше скажи, чем я могу быть полезен.

Я ему не ответила и обратилась к Кармен, которую попросила помогать, когда потребуется, моему отцу и на ближайших выходных посидеть с детьми, пока я буду в больнице.

— Когда ты туда поедешь? — поинтересовалась Кармен.

— Сначала мне надо в ветлечебницу, отменить все записи.

Позже я займусь поиском подменщика.

— Ава, — подал голос Идрис, — позволь мне обзвонить его клиентов. У меня получится, а ты сэкономишь время и приедешь к нему раньше.

— Спасибо, — тихо произнесла я.

Я была готова принять любую помощь, если она позволит мне быстрее очутиться рядом с Ксавье.

— Мы не можем позволить тебе справляться со всем самой! — заволновался отец. — Я поеду в больницу с тобой!

— Нет, папа. Все вы хорошо его знаете, он человек гордый, и ему точно не понравится, если его увидят таким слабым и несчастным...

Мой голос слегка задрожал, и это не укрылось от их внимания.

— Будь благоразумна, Ава, — взмолилась Кармен.

— Это мой выбор, и вы будете делать то, что я сказала. Мне лучше знать, какой поддержки я от вас жду, и это точно не бессмысленное ожидание в больничном коридоре. Вы можете принести больше пользы. Я буду вам обо всем сообщать, обещаю.

Я выразила взглядом свою огромную благодарность и

встала из-за стола.

– Я вас не гоню, но мне пора. И вот еще: сегодняшней ночью здесь будем только мы втроем с Пенелопой и Титуаном.

Идрис поехал со мной в ветеринарную клинику. Он дал мне немного побыть одной и не сразу зашел внутрь. Меня встретил хоровой лай и мяуканье. Сколько животных было в лечебнице? Почему муж не захотел взять помощника, который бы ими занимался? Главная моя задача – пристроить этих бедолаг в надежное место. Я вошла в кабинет Ксавье. Бумаги заполонили все свободное пространство. Бардак был такой, что я сообразила: накануне ему пришлось неожиданно вскочить и умчаться. Торопился ли он, потому что опаздывал отпустить няню? Спешил, чтобы поцеловать детей перед тем, как они лягут спать? Гнал, наплевав на опасность? Я подавила рыдание. В его старой записной книжке я нашла номер бывшего однокурсника, с которым они постоянно обменивались услугами. Позвонила, описала в двух словах случившееся и попросила приехать за подопечными Ксавье. Он пообещал сделать это как можно быстрее. Идрис, который все же зашел в кабинет, кивком подтвердил, что дождется его. Потом я включила компьютер Ксавье – угадать пароль было не сложно, даты рождения детей, – и пробежала глазами его распорядок дня. Хорошо, что Ксавье был человеком организованным и скрупулезно записывал номера телефонов клиентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.